СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ I, № 10.

ОЧЕРКЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ КАРАМЗИНА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ Я. К. Гротомъ

КЪ ТОРЖЕСТВЕННОМУ СОБРАНІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ 1-ГО ДЕКАБРЯ 1866 Г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Ост., 9 л., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 19-го апрѣля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОЧЕРКЪ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ КАРАМЗИНА,

СОСТАВЛЕННЫЙ АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ

къ торжественному собранію Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 года.

«Не вѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ націй перемѣняется со временами; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть—вѣчность».
(Письма Русскаго путешественника, Лейпцигъ, 15 іюля 1789: изъ біографіи Геллерта).

Увлекаемые неотразимой силой современныхъ интересовъ и быстро смѣняющихся впечатлѣній, мы невольно забываемъ прошлое и рѣдко къ нему возвращаемся. Но бываютъ минуты, когда тотъ или другой изъ прежнихъ дѣятелей нашихъ мощно привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, и мы открываемъ въ жизни его много отраднаго и поучительнаго. Поблѣднѣвшіе отъ времени образы встаютъ передъ нами во всей яркости своихъ первоначальныхъ красокъ; подъ волшебнымъ жезломъ исторіи воскресаютъ мертвые со всею житейскою ихъ обстановкой; изъ мрака забвенія возникаютъ дѣла и событія, и мы съ удивленіемъ видимъ, что многое, еще и теперь желательное, уже совершалось въ минувшемъ или, по-крайней мѣрѣ, было также предметомъ желаній нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Таково, между прочимъ, значеніе нынѣшняго торжества.

Въ исторіи русскаго образованія Карамзинъ есть лицо не только необыкновенное, но въ своемъ родѣ единственное. Онъ былъ первымъ у насъ писателемъ, который всю свою жизнь нераздѣльно посвятилъ литературѣ и ею одной создалъ себѣ независимое и блестящее положеніе. Онъ представляетъ разительный примѣръ великаго значенія характера въ дѣятельности писателя. Въ страстномъ Ломоносовѣ намъ понятно необоримое упорство стремленій; но въ кроткомъ Карамзинѣ насъ особенно поражаетъ энергія воли, съ какою онъ неуклонно и неутомимо идетъ къ одной, разъ избранной имъ цѣли. Такая сила характера объясняется только силой внутренняго призванія и таланта. На ихъ сознаніи основывалось то твердое убѣжденіе въ необходимости сохранить свою независимость, которое заставляло Карамзина отвергать неоднократныя предложенія почетныхъ мѣстъ по ученой или государственной службѣ [1]. Но къ идеѣ характера принадлежитъ также твердость правилъ и достоинство въ образѣ дѣйствій: всѣ, лично знавшіе исторіографа, согласны въ томъ, что какъ ни высоко стоялъ Карамзинъ-писатель, еще выше былъ Карамзинъ-человѣкъ [2]. Русская критика послѣдняго десятилѣтія представила намъ одно очень неотрадное явленіе. Разбирая нашихъ прежнихъ писателей, она съ стопическою строгостію выискивала и выставляла ихъ человѣческія слабости, не обращая вниманія на духъ и нравы времени, которые могли служить имъ нѣкоторымъ извиненіемъ. Но та же критика не хотѣла останавливаться на ихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ: она такъ же сурово относилась къ Карамзину [3], какъ напримѣръ къ Державину, хотя въ жизни перваго трудно отыскать тѣни, подобныя тѣмъ, въ которыхъ упрекаютъ послѣдняго. Тѣмъ многозначительнѣе и глубже было дѣйствіе, какое Карамзинъ производилъ на современниковъ: онъ не только усиливалъ въ нихъ любовь къ чтенію, не только распространялъ литературное и историческое образованіе; но также возбуждалъ въ массѣ читателей религіозное и нравственное чувство, утверждалъ въ нихъ благородный и честный образъ мыслей, воспламенялъ патріотизмъ. Поколѣніе, къ которому принадлежалъ Ка-

рамзинъ, такъ далеко отъ нашего, что многіе могутъ видѣть въ немъ явленіе, для насъ чуждое. Но если станемъ ближе всматриваться въ него, то найдемъ, что онъ, по своему образованію, по духу своей дѣятельности, даже по многимъ изъ своихъ взглядовъ и стремленій, принадлежалъ болѣе нашей эпохѣ, нежели своей. Самый первый шагъ его въ литературѣ, — усовершенствованіе письменной рѣчи, единогласно одобренное и принятое всѣмъ послѣдующимъ поколѣніемъ, — былъ шагомъ человѣка, идущаго впереди своихъ современниковъ. Такъ шелъ онъ и послѣ: чѣмъ глубже будемъ изучать Карамзина, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться въ томъ.

Жизнь Карамзина, продолжавшаяся 60 лѣтъ, знаменательно совпадаетъ съ пространствомъ времени отъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II до кончины Императора Александра Павловича, котораго онъ пережилъ только немногими мѣсяцами. Это шестидесятилѣтіе раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна вся принадлежитъ вѣку Екатерины, а другая, самою значительною частію, вѣку Александра. Въ первой Карамзинъ былъ поэтомъ и литераторомъ, въ послѣдней почти исключительно историкомъ. Въ кратковременное правленіе Императора Павла, когда, по выраженію Карамзина, музы закрыли свои лица черными покрываломъ[4], онъ готовился къ переходу отъ изящной литературы къ строгой наукѣ. Обѣ эпохи вмѣстѣ составляютъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ европейской литературѣ, начавшійся во второй половинѣ прошлаго вѣка послѣ того, какъ слава многихъ мыслителей и поэтовъ придала литературѣ высокое значеніе въ глазахъ общества и правительствъ. Вездѣ государи не только стали оказывать ей особенное покровительство, но и сами охотно вступали въ ряды писателей: Фридрихъ Великій, Екатерина II и Густавъ III старались заслужить лавры безсмертія не одними государственными дѣлами, но и перомъ. Въ Германіи, въ Англіи, во Франціи явилось множество талантовъ съ европейскою славою.

Въ такую-то пору развивался на берегахъ Волги юноша, ко-

торому суждено было стать въ уровень со многими изъ этихъ знаменитостей и начать новый литературный періодъ въ своемъ отечествѣ. Онъ былъ рожденъ съ пылкою душой, съ тонкимъ, созерцательнымъ умомъ, съ сердцемъ мягкимъ и наклоннымъ ко всему доброму и прекрасному. Характеръ времени, къ которому относилось его воспитаніе, вполнѣ согласовался съ природою для образованія его писателемъ. Къ тому присоединились благопріятныя обстоятельства собственной его жизни. Такимъ образомъ счастливая звѣзда Карамзина направила къ одной цѣли всѣ три главные элемента, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе человѣка. Любопытно было бы прослѣдить, какъ совокупное ихъ дѣйствіе могло въ Россіи XVIII вѣка образовать личность, такъ страстно преданную умственнымъ и нравственнымъ интересамъ. Карамзинъ сдѣлался высшимъ проявленіемъ гуманнаго настроенія вѣка Екатерины II, какъ бы плодомъ ея человѣколюбиваго правленія, ея непрерывныхъ заботъ о просвѣщеніи своего народа. Его молодость согрѣвалась благотворными впечатлѣніями, которыя отвсюду проникали въ жизнь: учрежденія Екатерины, ея Наказъ, дѣятельность Новикова и многія явленія тогдашней литературы бросили въ нѣжную душу молодаго человѣка сѣмена, которыя должны были взойти въ ней обильною жатвой [5].

Какъ ни скудны положительныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и воспитаніи Карамзина, мы однакожъ знаемъ довольно, чтобы опредѣлить основныя черты и главные моменты его духовнаго развитія. Мы знаемъ, что однимъ изъ самыхъ раннихъ источниковъ его образованія было чтеніе нравоучительныхъ романовъ и что онъ впослѣдствіи приписывалъ имъ значительное вліяніе на развитіе въ немъ нравственнаго чувства, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ вредное ихъ дѣйствіе, говоря, что ихъ можно назвать теплицею для юной души, которая отъ такого чтенія зрѣетъ преждевременно [6]. Этимъ объяснялъ онъ въ себѣ излишество юношеской мечтательности. Въ дѣтствѣ онъ мечталъ особенно о воинской славѣ; 9-ти лѣтъ отъ роду, читая Римскую Исторію, онъ воображалъ себя маленькимъ Сципіономъ и высоко поднималъ голову [7].

Готовя себя такимъ образомъ, не только по тогдашнему обычаю, но и по охотѣ, для военной службы, Карамзинъ не могъ получить ученаго образованія въ пансіонѣ Шадена. Этотъ замѣчательный педагогъ, который самъ писалъ о воспитаніи дворянъ [8], конечно сообразовался, въ урокахъ Карамзину, съ будущимъ его назначеніемъ и не училъ его, напримѣръ, древнимъ языкамъ. Впрочемъ, съ французскимъ и нѣмецкимъ Карамзинъ у Шадена также ознакомился недостаточно, и только впослѣдствіи, особенно во время своего путешествія, усовершенствовался въ этихъ двухъ языкахъ [9]. Учебникъ реторики, составленный Шаденомъ, содержитъ въ себѣ одну мысль, замѣчательную по отношенію къ Карамзину: это та мысль, что всякая реторика безплодна безъ *чтенія лучшихъ писателей* и частыхъ *упражненій въ сочиненіи*, что наставникъ долженъ удѣлять болѣе времени на чтеніе и объясненіе писателей, на упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели на теоретическія правила [10]. Такому убѣжденію въ воспитателѣ Карамзина нельзя не придавать особенной важности: мы можемъ отсюда вывести заключеніе, что Карамзинъ еще въ пансіонѣ Шадена пріобрѣлъ навыкъ въ письменномъ изложеніи мыслей и охоту къ литературнымъ занятіямъ. Отсюда же намъ становится понятна необыкновенная начитанность его, основаніе которой было положено имъ еще въ дѣтствѣ. Мы видимъ вообще, что онъ въ молодости болѣе читалъ, нежели учился, и образованіемъ своимъ былъ обязанъ преимущественно самому себѣ, своей любознательной и дѣятельной природѣ. Страсть, ранѣе всѣхъ другихъ пробудившаяся въ душѣ его и не покидавшая его во всю жизнь, была любовь къ литературѣ. Корнемъ и основаніемъ этой любви онъ самъ считалъ чувствительность, которою отличался въ высокой степени. Въ чувствительной душѣ, по его убѣжденію, любовь къ изящному всегда сопровождается съ одной стороны стремленіемъ къ славѣ, съ другой благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ [11]. «Одни чувствительные», говорилъ онъ, «приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда *небольшой примѣсъ безразсудности*,

un peu de folie; они-то блистаютъ талантами воображенія и творческаго ума: поэзія и краснорѣчіе есть дарованіе ихъ» [12]. Употребимъ вмѣсто *чувствительности* другое, болѣе обширное въ своемъ значеніи слово: *воспріимчивость*, или *впечатлительность*, и мы признаемъ мысль Карамзина вполнѣ справедливою. Но обстоятельства его воспитанія, которое началось чтеніемъ романовъ и долго оставалось въ женскихъ рукахъ [13], а притомъ и господствовавшее въ тогдашней литературѣ настроеніе дали его чувствительности нѣсколько болѣзненный характеръ. Сентиментальность была однимъ изъ повѣтрій умственной жизни XVIII столѣтія; ей заплатили дань многіе замѣчательные таланты западной Европы, между которыми назовемъ только любимыхъ Карамзинымъ писателей: Ричардсона, Юнга, Стерна и Геснера: «Новая Элоиза» Руссо и «Вертеръ» Гёте также не чужды этого оттѣнка. Удивительно ли, что нѣжно-организованная душа Карамзина поддалась почти общему недугу вѣка и что его не уберегъ отъ этого вліянія даже Шекспиръ, котораго онъ такъ вѣрно оцѣнилъ уже въ молодости, вопреки авторитету Вольтера и всей ложноклассической французской школѣ. Такимъ-то образомъ то же настроеніе проходитъ и черезъ всѣ сочиненія Карамзина, начиная отъ «Писемъ русскаго путешественника» до «Исторіи Государства Россійскаго». Но впадая въ эту крайность, онъ былъ совершенно искрененъ, онъ удовлетворялъ властительной потребности всего существа своего, тогда какъ многіе другіе изъ современныхъ ему писателей и особенно его послѣдователи были сентиментальны изъ подражанія. Противъ «притворной слезливости» возставалъ самъ онъ, совѣтуя молодымъ авторамъ «не говорить безпрестанно о слезахъ» и прибавляя, что «сей способъ трогать очень ненадеженъ» [14]. Глубина истиннаго чувства, проникавшаго душу Карамзина, доходила до меланхоліи, которая во всю жизнь его часто выражалась въ немъ неодолимою грустью [15]. Требуя, чтобы писатель былъ проникнутъ *страстью къ добру* и *желаніемъ всеобщаго блага*, онъ только выражалъ то, что сознавалъ въ самомъ себѣ, и не могъ вообразить, чтобы дурной человѣкъ могъ быть хоро-

шимъ авторомъ [16]. Наше поколѣніе строго судило Карамзина за ненормальное преобладаніе въ немъ чувства [17]; но мы не должны забывать, что если такова была болѣзнь его вѣка, то и на оборотъ, бываютъ эпохи, страдающія противоположнымъ недугомъ, эпохи, когда чувство въ массѣ общества притупляется, когда и въ литературѣ сердечная теплота, энтузіазмъ къ прекрасному и благоволеніе къ людямъ уступаютъ мѣсто нѣкоторой жесткости и равнодушію.

Наблюденіе, что потребность въ дружбѣ всегда сопровождаетъ любовь къ литературѣ, Карамзинъ извлекъ также изъ собственной своей жизни. Онъ нашелъ въ молодости двухъ друзей: Дмитріева и Петрова, изъ которыхъ перваго сохранилъ навсегда, а втораго лишился рано.

Не смотря на свою кратковременность, дружба съ Петровымъ составляетъ, по собственному сознанію Карамзина, *важнѣйшій періодъ* въ его жизни [18]. Нельзя говорить о юности нашего исторіографа, не коснувшись лучшаго друга его. Дошедшія до насъ письма Петрова къ Карамзину представляютъ литературный памятникъ, съ которымъ немногіе могутъ сравниться въ занимательности [19]. Къ сожалѣнію, письма Карамзина къ Петрову не сохранились [20], но за потерю ихъ нѣсколько вознаграждаютъ горячія строки, которыми онъ оплакалъ своего Агатона. Письма Петрова, исполненныя юношескаго юмора, рисуютъ намъ живаго, талантливаго человѣка съ умомъ строгимъ и критическимъ, съ основательными познаніями, который имѣлъ сильное вліяніе на взгляды, вкусъ и занятія Карамзина.

Въ характерѣ, въ существѣ обоихъ было много несходнаго, даже противоположнаго, на что указываетъ самъ Карамзинъ, говоря: «Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался, огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ *мечтатель*, онъ былъ дѣятельный философъ. Часто въ меланхолическихъ припадкахъ свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ;

всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ *чувствителенъ* какъ младенецъ, онъ былъ твердъ какъ мужъ; но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество». Послушаемъ, какъ Петровъ, въ свою очередь, говорилъ съ Карамзинымъ, какъ смотрѣлъ онъ на своего друга. Получивъ отъ него изъ Симбирска письмо, въ которомъ Карамзинъ отдавалъ ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ, Петровъ отвѣчалъ: «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, и дальніе края озарившему! Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній!), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи или Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ моей учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ; я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою передъ тобою, хотя ты по-латыни и не учился». Эти строки тѣмъ любопытнѣе, что онѣ показываютъ намъ, какъ Карамзинъ, оставивъ военную службу, проводилъ время въ Симбирскѣ. Вопреки установившемуся мнѣнію, онъ тамъ не оставался празднымъ, не велъ слишкомъ разсѣянную жизнь, и заслуга Тургенева, который взялъ его съ собою въ Москву, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ доставилъ ему болѣе обширный кругъ дѣятельности.

Съ землякомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ онъ сблизился особенно въ Петербургѣ, на службѣ въ гвардіи, и, если вѣрить Дмитріеву, сталъ по его примѣру заниматься переводами и печатать ихъ. Съ нимъ, еще гораздо болѣе нежели съ Петровымъ, Карамзинъ былъ несходенъ во многомъ; отъ Петрова онъ отличался наиболѣе темпераментомъ, но съ Дмитріевымъ, кромѣ того, расходился въ склонностяхъ и взглядахъ. Карамзинъ былъ энтузіастъ, и хотя въ зрѣломъ возрастѣ подчинилъ свою полкость

благоразумію, однакожъ всегда жилъ столько же сердцемъ какъ и умомъ, всегда оставался вѣренъ своему юношескому равнодушію къ приманкамъ властолюбія и почестямъ. Дмитріевъ, напротивъ, былъ человѣкъ, если не холодный, то по крайней мѣрѣ очень разсчетливый, любившій свѣтъ и его суету; для него литература никогда не составляла главнаго интереса. Тѣмъ болѣе замѣчательно постоянство дружбы между этими двумя писателями; въ исторіи литературы, какъ и человѣческаго сердца вообще, конечно не много примѣровъ дружеской переписки, которая, съ незначительными перерывами, продолжалась бы сорокъ лѣтъ и всегда бы не только сохраняла тотъ же характеръ задушевности и теплоты, но съ каждымъ годомъ становилась бы еще нѣжнѣе и сердечнѣе. Таковы, по крайней мѣрѣ, письма Карамзина; письма Дмитріева до насъ не дошли [21]. Видя во всемъ свидѣтельства любящей души и горячаго, привязчиваго сердца Карамзина, не можемъ не приписывать ему главной заслуги въ продолжительности этой переписки, для которой сверхъ того почти постоянная разлука друзей была особенно благопріятнымъ объястоятельствомъ. Ни изъ чего не видно, чтобы Дмитріевъ, хотя онъ былъ пятью годами старше Карамзина, имѣлъ значительное вліяніе на его развитіе; напротивъ, онъ самъ былъ много обязанъ примѣру и и совѣтамъ Карамзина въ литературномъ дѣлѣ.

Извѣстно, что Карамзинъ, переселившись изъ Симбирска въ Москву, былъ введенъ въ новиковское общество масоновъ. Вопросъ о степени и родѣ вліянія этого общества на дѣятельность Карамзина еще недостаточно разработанъ. Изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ его современниковъ оказывается, что самъ онъ отзывался о новиковскомъ обществѣ несочувственно; по своему отвращенію отъ всякаго мистицизма, по нерасположенію ко всему неопредѣленному и неясному, онъ не могъ долго оставаться въ кругу масоновъ и скоро отсталъ отъ нихъ, потому, что не удовлетворялся мистическою стороною ихъ ученія [22]. Но въ воззрѣніяхъ ихъ была еще другая сторона: духъ религіознаго благочестія, патріотизма, благоволенія къ человѣчеству и братской любви къ ближнему.

Этотъ самый духъ распространенъ въ сочиненіяхъ Карамзина и былъ конечно, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, плодомъ пребыванія его въ масонскомъ обществѣ. Оно же должно было окончательно привязать его къ литературѣ.

Авторская жизнь Карамзина представляетъ три очень явственно разграниченные періода. Написанное имъ до путешествія по Европѣ—почти исключительно переводы—можетъ быть названо его ученическими опытами. По возвращеніи въ Россію, 25-ти лѣтъ отъ роду, подъ конецъ царствованія Екатерины II, онъ вдругъ является мастеромъ своего дѣла, журналистомъ и писателемъ съ самостоятельнымъ взглядомъ на языкъ и литературу; начинаетъ писать такъ, какъ еще никто не писалъ, и увлекаетъ за собою большинство общества. Въ избыткѣ молодыхъ силъ онъ переходитъ отъ одного предпріятія къ другому: сперва издаетъ «Московскій журналъ», потомъ литературный сборникъ «Аглаю», далѣе первый русскій альманахъ «Аониды», затѣмъ «Пантеонъ иностранной словесности» и наконецъ «Вѣстникъ Европы». Но эта разнообразная и нѣсколько суетливая дѣятельность не удовлетворяетъ его созрѣвшаго таланта: онъ чувствуетъ потребность предпринять такой трудъ, который бы наполнялъ всю его жизнь, создать что-нибудь цѣлое, монументальное: онъ берется за русскую исторію и неутомимо работаетъ надъ нею 23 года, до самой смерти своей.

Періодъ полнаго развитія литературной дѣятельности Карамзина—двѣнадцать лѣтъ отъ возвращенія его изъ чужихъ краевъ (1790 г.) до назначенія его исторіографомъ (1803)—представляетъ особенную занимательность не только по разнообразію и достоинству тогдашнихъ произведеній его, но и по дѣйствію, какое они производили на современное общество. Притомъ этотъ періодъ еще далеко не вполнѣ изученъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи журнальныхъ трудовъ Карамзина, въ нихъ открываются новыя, еще никѣмъ не тронутыя стороны.

Обращаясь къ этому періоду, необходимо прежде всего остановиться на путешествіи Карамзина по Европѣ въ 1789 и 1790 г.,

такъ какъ оно имѣло великое значеніе для всей послѣдующей его дѣятельности. Пламенное желаніе побывать въ чужихъ краяхъ естественно проистекало изъ его обширной начитанности. Онъ жаждалъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ идей и познаній; но особенно хотѣлось ему видѣть писателей, *которые были ему уже извѣстны и дороги по своимъ сочиненіямъ* [23]. Такимъ образомъ, непосредственное, живое знакомство съ иностранными литературами составляло главную задачу его путешествія. Полтора года, проведенные имъ за границей, должны были неизмѣримо подвинуть его во всемъ духовномъ его развитіи. Сколько новыхъ идей долженъ онъ былъ почерпнуть изъ однѣхъ бесѣдъ съ лучшими умами Европы! Все видѣнное и слышанное онъ усвоивалъ себѣ тѣмъ прочнѣе, что отдавалъ соотечественникамъ подробный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и умственныхъ пріобрѣтеніяхъ. Путевые разсказы его, писанные серебрянымъ перомъ (это не фигура, а фактъ, имъ самимъ отмѣченный) [24], не могли остаться безъ великой пользы для него самого. Обстоятельство, что первымъ значительнымъ трудомъ его были пріятельскія письма, безъ сомнѣнія много способствовало къ уясненію его взгляда на русскую прозу. Они установили его слогъ, они довершили его отчужденіе отъ тяжелаго книжнаго языка бо̀льшей части его предшественниковъ. «Письма русскаго путешественника» можно назвать явленіемъ неожиданнымъ въ тогдашней нашей литературѣ. Они, въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, вдругъ представили свѣту молодаго Русскаго съ европейскимъ образованіемъ, съ мыслью зрѣлою, съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, съ такимъ знаніемъ новѣйшихъ языковъ и литературъ, которое даже и въ западной Европѣ было бы необыкновенно. И этотъ молодой человѣкъ писалъ уже языкомъ, какимъ теперь пишемъ всѣ мы, но который тогда съ удивленіемъ услышали въ первый разъ. Всѣ разсказы его о чужихъ краяхъ были такъ разнообразны, увлекательны, дѣльны, что ихъ еще и доселѣ можно читать съ наслажденіемъ. Понятно, какую массу свѣдѣній эти письма вдругъ распространили въ русскомъ обществѣ, сколько они возбудили любозна-

тельности, желанія ближе ознакомиться съ выведенными передъ читателемъ литературными знаменитостями и ихъ произведеніями. Наши критики 1840-хъ и 50-хъ годовъ не разъ упрекали Карамзина въ томъ, что онъ, путешествуя по Европѣ, не довольно обращалъ вниманія на ея политическое состояніе, слишкомъ мало интересовался общественными вопросами. Но чтобы понять всю неосновательность такого упрека довольно вспомнить его собственное свидѣтельство (въ объявленіи о «Моск. журналѣ»), что онъ въ чужихъ краяхъ «вниманіе свое посвящалъ натурѣ и человѣку преимущественно предъ всѣмъ прочимъ»: ему было тогда не болѣе 24-хъ лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ человѣкъ рѣдко бываетъ политикомъ; къ тому же въ тогдашнемъ, и особенно русскомъ обществѣ, политическій интересъ не былъ еще такъ возбужденъ, какъ впослѣдствіи. Неподдѣльный юношескій жаръ, энтузіазмъ къ красотамъ природы и искусства, ко всему чисто-человѣческому проникаютъ «Письма русскаго путешественника» и были конечно одною изъ главныхъ причинъ ихъ необыкновеннаго успѣха. Все это, вмѣстѣ съ выдающеюся въ нихъ занимательною личностью самого автора, вдругъ поставило его высоко въ общественномъ мнѣніи, дало ему извѣстность и славу.

Въ первый разъ эти письма читались въ «Московскомъ журлѣ», гдѣ Карамзинъ печаталъ ихъ постоянно въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. во все продолженіе этого изданія. «Московскій журналъ» былъ задуманъ имъ при самомъ возвращеніи его въ Россію. «Журналъ выдавать не шутка», говорилъ онъ: «однакожь чего не дѣлаетъ наука и прилежность?» Прежде всего онъ обратился къ извѣстнѣйшимъ русскимъ писателямъ съ просьбою принять участіе въ его изданіи. Въ бумагахъ Державина сохранилось письмо, писанное къ нему съ этою цѣлью Карамзинымъ, который съ нимъ только что познакомился чрезъ посредство Дмитріева, въ Петербургѣ, возвращаясь изъ Лондона въ Москву. Въ объявленіи о своемъ журналѣ онъ назвалъ Державина, и только его, какъ главнаго своего сотрудника: «Первый нашъ поэтъ (было тутъ сказано) — нужно ли именовать его? — обѣщалъ украшать листы

мои плодами вдохновенной своей музы. Кто не узнаетъ пѣвца мудрой Фелицы?» [25]

Дѣйствительно, Державинъ, вмѣстѣ съ Дмитріевымъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ усердныхъ вкладчиковъ въ «Московскій журналъ» по отдѣлу поэзіи, въ которомъ сверхъ того стали являться стихи Хераскова, Нелединскаго-Мелецкаго, Львовыхъ, Капниста и др. Не такъ легко было найдти помощниковъ по другимъ частямъ журнала, и Карамзину пришлось почти одному наполнять всѣ его книжки, что̀ требовало не мало труда, хотя каждая изъ нихъ заключала въ себѣ всего страницъ 100 небольшаго формата. Въ выполненіи своей задачи Карамзинъ показалъ много искусства, такта, пониманія потребностей современной публики; главнымъ правиломъ поставилъ онъ себѣ занимательность и разнообразіе содержанія [26]. Значительную долю журнала занимали переводы изъ извѣстнѣйшихъ въ то время писателей французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ: изъ Мармонтеля, Флоріана, Гарве, Морица, Стерна. Сверхъ того Карамзинъ познакомилъ русскую публику съ Оссіаномъ, пѣсни котораго въ нѣмецкомъ переводѣ пріобрѣлъ онъ въ Лейпцигѣ, также съ индѣйскою драмой Саконталой и съ мнѣніемъ о ней Гёте. Большую цѣну придавалъ онъ біографіи славныхъ новыхъ писателей и напечаталъ между прочимъ статьи о любимыхъ имъ поэтахъ: Клопштокѣ, Виландѣ и Геснерѣ. Собственно говоря, въ «Московскомъ журналѣ» не было такъ называемыхъ нынѣ отдѣловъ: статьи, по большей части, коротенькія, слѣдовали одна за другой безъ всякаго строгаго порядка; однакожъ, согласно съ своей программой, журналъ начинался обыкновенно стихами, потомъ шла изящная проза, далѣе — смѣсь, т. е. анекдоты, выбранные изъ иностранныхъ журналовъ; въ концѣ же помѣщались разборы театральныхъ представленій въ Москвѣ и въ Парижѣ и рецензіи новыхъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Приписываемая Карамзину уклончивость въ критикѣ относится собственно къ позднѣйшему періоду его журнальной дѣятельности. Въ «Московскомъ журналѣ» онъ, несмотря на свой миролюбивый

характеръ, постоянно помѣщалъ критическія статьи, въ которыхъ безъ околичностей высказывалъ правду. Уже въ объявленіи объ этомъ изданіи было сказано: «Хорошее и худое замѣчаемо будетъ безпристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма немногія книги были у насъ надлежащимъ образомъ критикованы?» И дѣйствительно, въ «Московскомъ журналѣ» Карамзинъ обнаружилъ большую критическую способность. Тутъ между прочимъ разобраны: *Кадмъ и Гармонія* Хераскова, *Энеида*, вывороченная на изнанку Осиповымъ, также переводы: *Естественной исторіи* Бюффона,—трудъ академиковъ Румовскаго и Лепехина, *Утопіи* Томаса Моруса, *Генріады* Вольтера, *Неистоваго Роланда* Аріоста, *Путешествія Анахарсиса* Бартельми и *Клариссы* Ричардсона. Въ отдѣлѣ, посвященномъ обзору театральныхъ представленій, разсмотрѣны между прочимъ *Эмилія Галотти* Лессинга, переведенная самимъ Карамзинымъ, и *Ненависть къ людямъ* Коцебу [27].

Почти всѣ эти рецензіи отличаются не только чрезвычайно мѣткими сужденіями, но и ироніей, впослѣдствіи столь чуждою характеру Карамзина. Такъ, въ разборѣ перевода англійской книги: «Опытъ нынѣшняго состоянія Швейцаріи», упрекая переводчика за то, что онъ пользовался не послѣднимъ изданіемъ подлинника и не передалъ примѣчаній французскаго переводчика, Карамзинъ замѣчаетъ: «Надлежало бы примолвить, съ какого языка *переведено* сіе сочиненіе. Можно, кажется, безъ ошибки сказать, что оно переведено съ французскаго; но на что заставлять читателей угадывать? — Нѣкоторые изъ нашихъ писцовъ, или писателей, или переводчиковъ—или какъ кому угодно будетъ назвать ихъ — поступаютъ еще непростительнѣйшимъ образомъ. Даря публику разными піесами, не сказываютъ они, что сіи піесы переведены съ иностранныхъ языковъ. Добродушный читатель принимаетъ ихъ за русскія сочиненія и часто дивится, какъ авторъ, умѣющій такъ хорошо мыслить, такъ худо и неправильно изъясняется. Самая гражданская честность обязываетъ насъ не присвоивать себѣ ничего чужаго: ни дѣлами, ни словами, ни молчаніемъ» [28]. Въ другой книжкѣ, разбирая появившуюся на русскомъ

языкѣ 1-ю часть *Клариссы* Ричардсона, Карамзинъ говоритъ: «Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ; но какая трудность устрашитъ Русскаго! Онъ берется за чудотворное перо свое, и первая часть *Клариссы* готова!» Указавъ потомъ на разныя погрѣшности въ языкѣ перевода, онъ прибавляетъ: «Такія ошибки совсѣмъ непростительны; и кто такъ переводитъ, тотъ портитъ и безобразитъ книги, и недостоинъ никакой пощады со стороны критики. Признаюсь читателю», продолжаетъ рецензентъ, «что я на семъ мѣстѣ остановился и отослалъ книгу назадъ въ лавку съ желаніемъ, чтобы слѣдующія части совсѣмъ не выходили или гораздо, гораздо лучше переведены были» [29]. Рецензіи Карамзина любопытны еще и тѣмъ, что въ нихъ онъ высказалъ теоретически нѣкоторые взгляды свои на языкъ и слогъ. Между прочимъ тутъ попадаются выходки противъ *славянщизны* или *славяномудрія* [30].

Въ концѣ перваго года «Московскаго журнала» (ноябрь 1791) разобрана съ большою строгостію комедія Николева *Баловень*, которая, по словамъ Карамзина, состоитъ болѣе изъ разговоровъ нежели изъ дѣйствія. Приводя изъ нея нѣкоторыя «новости въ мысляхъ и выраженіяхъ», критикъ послѣ каждаго указаннаго мѣста повторяетъ: «но поэтъ пишетъ какъ ему угодно». Далѣе замѣчено, что въ пьесѣ «есть *удивительныя* шутки на счетъ бѣдной грамматики: и глаголамъ и падежамъ и мѣстоименіямъ — однимъ словомъ, всему досталось». Разборъ кончается ироніею: «Пожелаемъ, чтобы сія піеса была часто играема на московскомъ театрѣ къ радости всѣхъ любителей россійской Таліи». Изъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву (стр. 24) мы узнаемъ, что Николевъ оскорбился этой рецензіей и сбирался отвѣчать на нее.

Это былъ не единственный случай неудовольствія, возбужденнаго критикой «Московскаго журнала». Въ январской книжкѣ 1792 года Подшиваловъ разсмотрѣлъ изданный Ѳ. Туманскимъ переводъ греческаго писателя *Палефата* (объясненія разныхъ древнихъ сказаній). Обиженный переводчикъ прислалъ антикри-

тику, на которую послѣдовало опять возраженіе Подшивалова. Въ этой полемикѣ для насъ особенно любопытны подстрочныя примѣчанія самого издателя, изъ которыхъ ясно виденъ его тогдашній взглядъ на критику. Такъ слова Туманскаго: «Не судите, да не судимы будете», даютъ Карамзину поводъ замѣтить: «Неужели вы хотите, чтобы совсѣмъ не было критики? Что была нѣмецкая критика за тридцать лѣтъ передъ симъ, и что она теперь? и не строгая ли критика произвела отчасти то, что Нѣмцы начали такъ хорошо писать?» [31] Мы увидимъ, что впослѣдствіи Карамзинъ совершенно иначе смотрѣлъ на критику въ отношеніи къ русской литературѣ.

Въ «Московскомъ журналѣ» онъ явился также поэтомъ и нувеллистомъ. Естественно, что въ молодости все вниманіе его было устремлено на такъ называемую изящную литературу: по своей впечатлительной природѣ, по всѣмъ своимъ стремленіямъ и вкусамъ, наконецъ по связи съ Дмиріевымъ онъ не могъ не пристраститься къ стихотворству. Нельзя сказать, чтобы у него не было поэтическаго таланта, но ему не доставало воображенія и вымысла. Стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко-искренняго человѣка; замѣчательно, что всякій разъ, когда онъ выражаетъ завѣтныя мысли свои, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія. Онъ самъ, въ позднѣйшую эпоху, сказалъ однажды:

«Мнѣ сердце было Аполлономъ» [32],

и этими словами можно охарактеризовать всю его поэзію, согрѣтую чувствомъ, но лишенную блеска и силы фантазіи. Обыкновенныя темы ея — любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ.

Еще до своего путешествія Карамзинъ испытывалъ свои силы и въ повѣстяхъ; мы знаемъ, изъ «Писемъ русскаго путешественника», что онъ между прочимъ началъ когда-то писать ро-

манъ, который, по господствовавшему тогда обычаю, долженъ былъ вести читателя изъ одной страны въ другую: «я хотѣлъ», говоритъ онъ, «въ воображеніи объѣздить тѣ земли, по которымъ теперь ѣхалъ» [33]. Въ «Московскомъ журналѣ» повѣсти его начинаются особенно со втораго года, въ серединѣ котораго явилась *Бѣдная Лиза*, а позднѣе *Наталья, боярская дочь* [34]. Историческое значеніе этихъ повѣстей и степень ихъ достоинства по отношенію къ нынѣшнимъ требованіямъ искусства уже достаточно оцѣнены. Во всѣхъ ихъ вымыслъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, нѣтъ ни характеровъ, ни національнаго колорита. Дара художественнаго творчества у Карамзина не было; но онъ обладалъ въ высшей степени даромъ пластическаго употребленія языка, что̀ въ соединеніи съ живою воспріимчивостью и сердечною теплотою, съ образованнымъ умомъ и большою начитанностью доставило его повѣстямъ небывалый успѣхъ.

Съ «Московскимъ журналомъ» только начиналась извѣстность Карамзина, и потому неудивительно, что въ первый годъ число подписчиковъ его не превышало 300 [35], такъ что ими едва оплачивались типографскія издержки; на сколько эта цифра возрасла во второй годъ, неизвѣстно; вѣроятно однакоже, что приращеніе было незначительно. Между тѣмъ срочность многообразной и сложной работы тяготила Карамзина, и онъ рѣшился оставить журналъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто его исподволь выпускать небольшіе литературные сборники. Въ 1794 году вышла «Аглая», книжка, которая опять почти вся состояла изъ собственныхъ трудовъ его, но тѣмъ особенно отличалась, что въ ней не было переводовъ. Вторая ея книжка (1795) была посвящена Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, уже и прежде не разъ являвшейся въ мелкихъ сочиненіяхъ Карамзина подъ именемъ Аглаи [36]. Давнишняя дружба соединяла его съ домомъ Плещеевыхъ. Къ нимъ писалъ онъ и свои письма изъ-за границы. Въ «Аглаѣ» видны плоды его тогдашнихъ размышленій и чтеній. Его занимала въ то время судьба человѣческихъ обществъ, вопросъ о счастіи человѣка, о пользѣ образованія, о значеніи знанія и искусства. Замѣчая, что

просвѣщенію, вслѣдствіе политическихъ неустройствъ на западѣ, угрожаетъ опасность въ Россіи, онъ опровергаетъ ученіе Руссо о вредѣ наукъ, доказываетъ ихъ необходимость и безусловно-благотворное дѣйствіе. Онъ сѣтуетъ о событіяхъ французской революціи, объ обманчивости успѣховъ 18-го вѣка и выражаетъ твердую надежду на лучшія времена, на 19-е столѣтіе.

Тогда же онъ рѣшился издать отдѣльною книжкой свои мелкія сочиненія, напечатанныя въ «Московскомъ журналѣ». Они явились въ 1794 году подъ заглавіемъ *Мои бездѣлки*, и съ этого-то времени началась настоящая слава Карамзина. Есть еще люди, помнящіе, съ какимъ восторгомъ была принята эта книжка не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Отъ нея повѣяло какъ будто новымъ воздухомъ въ умственной жизни русскихъ. Карамзинъ открылъ имъ новый міръ понятій, ощущеній и духовныхъ потребностей, указалъ имъ новый источникъ наслажденій въ созерцаніи природы, въ чтеніи, въ умственныхъ занятіяхъ. Молодые люди твердили наизусть отрывки изъ его повѣстей; по свидѣтельству Ѳ. Н. Глинки, питомцы сухопутнаго кадетскаго корпуса мечтали, какъ бы пойти пѣшкомъ въ Москву поклониться очаровавшему ихъ писателю.

Не малую долю въ этомъ необыкновенномъ дѣйствіи имѣлъ поражавшій всѣхъ языкъ его сочиненій. Хотя уже и прежде Карамзина русская письменная рѣчь постепенно очищалась, но писавшіе до него не отдавали себѣ въ томъ отчета и безсознательно слѣдовали только за успѣхами времени. Карамзинъ первый разрабатывалъ литературный языкъ съ полнымъ сознаніемъ того, къ чему стремился. У другихъ, еще и въ его время, языкъ представляетъ хаотическую смѣсь разныхъ элементовъ; прежніе писатели, не исключая и Фонъ-Визина, держались еще теоріи Ломоносова и позволяли себѣ простой, или низкій слогъ развѣ только въ комедіяхъ, дружескихъ письмахъ и «описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ». Карамзинъ смолоду понялъ, что простота и естественность рѣчи составляютъ первое условіе всѣхъ родовъ сочиненій. Еще до своего путешествія онъ былъ недоволенъ господствовавшимъ

тогда литературнымъ языкомъ; это можно заключить уже изъ писемъ Петрова, въ которыхъ есть насмѣшки надъ «русско-славянскимъ языкомъ и долгосложно-протяжно-парящими словами» (1785 г.). Впослѣдствіи Карамзинъ называлъ Петрова своимъ учителемъ въ знаніи русскаго языка, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній дѣйствительно имѣлъ участіе въ установленіи понятій своего друга по этому предмету. Изъ позднѣйшихъ словъ самого Карамзина мы знаемъ, что онъ въ письменномъ употребленіи языка главною задачею считалъ «пріятность слога» [37]. Въ «Московскомъ журналѣ», давая совѣты дурнымъ писателямъ, исправляя ихъ обороты, онъ осуждалъ ихъ любовь къ *славяномудрію*. При изданіи же «Аглаи» онъ сказалъ: «Я желалъ бы писать не такъ, какъ у насъ по большой части пишутъ». Все это показываетъ, что Карамзинъ вполнѣ сознавалъ, что дѣлалъ, когда сталъ писать по-своему. Что касается до началъ, которыхъ онъ при этомъ держался, то къ уразумѣнію ихъ намъ опять даютъ ключъ собственныя слова его: «Русскій кандидатъ авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-французски... Чтожъ остается дѣлать автору? *выдумывать*, *сочинять выраженія;* угадывать *лучшій выборъ* словъ; давать старымъ нѣкоторый *новый смыслъ*, предлагать ихъ въ *новой связи*, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженій» [38]. Эти строки отчасти объясняютъ намъ тайну искусства, съ которымъ Карамзинъ очаровывалъ современниковъ своею рѣчью. По этому можно судить, какого труда стоило ему выработать свою прозу и съ какимъ тактомъ онъ угадывалъ духъ языка, вводя слова [39] и выраженія, которыя незамѣтно входили въ литературный языкъ. Прибавлю, что вопреки довольно общему взгляду, уже въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина, по возвращеніи его изъ-за границы, почти вовсе нѣтъ галлицизмовъ; то, что онъ писалъ тогда, мало устарѣло до сихъ поръ и, за исключеніемъ весьма немногихъ словъ и формъ языка, могло бы быть

написано еще и теперь. Такъ глубоко понималъ онъ русскій языкъ, такъ сознавалъ его требованія въ расположеніи словъ, которое, какъ онъ говорилъ, имѣетъ свои законы [40]: смѣло можно сказать, что послѣ Ломоносова у насъ не было писателя, который бы зналъ языкъ въ такомъ совершенствѣ, какъ Карамзинъ. Слабую сторону его прозы составляетъ только нѣкоторая искусственность въ строеніи періодовъ, особливо въ первыхъ томахъ его Исторіи; но это уже недостатокъ слога, а не языка.

Отказываясь отъ «Московскаго журнала», Карамзинъ въ прощаніи съ публикою выразилъ между прочимъ важное намѣреніе. «Въ тишинѣ уединенія», сказалъ онъ, «стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны какъ новыя; буду пользоваться сокровищами древности, чтобы приняться за такой трудъ, который бы могъ остаться памятникомъ души и сердца моего». Древніе языки издавна привлекали Карамзина: незадолго до своего путешествія онъ приступилъ было къ изученію греческаго, пробовалъ переводить греческихъ поэтовъ и писать стихи древнимъ размѣромъ. Но ему не суждено было восполнить недостатокъ классическаго образованія, пользу котораго онъ ясно сознавалъ, которое, можетъ быть, предохранило бы его отъ излишняго перевѣса чувствительности и было бы особенно важно для его исторической задачи. «Пантеонъ иностранной словесности», изданный имъ въ царствованіе Императора Павла, былъ, какъ кажется, въ связи съ заявленнымъ планомъ Карамзина изучать древнихъ. Это изданіе представляетъ, дѣйствительно, нѣсколько отрывковъ изъ римскихъ и греческихъ писателей, — Цицерона, Тацита, Платона; но это, по видимому, переводы не съ подлинниковъ; притомъ дальнѣйшимъ заимствованіямъ его изъ древнихъ мѣшала цензура, крайне боязливая при Императорѣ Павлѣ, такъ что Карамзинъ въ это время не разъ выражалъ намѣреніе совершенно оставить литературу [41].

Вообще въ продолженіе осьми лѣтъ отъ прекращенія «Московскаго журнала» до конца столѣтія онъ сравнительно писалъ немного, отвлекаемый отъ этой дѣятельности не одною цензурною

строгостью, но также разсѣянною жизнью, слабымъ здоровьемъ и сердечными дѣлами, сильно волновавшими его пылкую душу [42]. Между тѣмъ однакожъ онъ въ 1797 году страстно предался изученію итальянскаго языка и по просьбѣ Державина напечаталъ томъ его сочиненій. Замѣчательно, что послѣ этого онъ думалъ-было написать два похвальныя слова: одно Петру Великому, а другое Ломоносову, но не нашелъ времени для приготовительныхъ къ тому занятій, въ числѣ которыхъ считалъ особенно нужнымъ прочитать многотомный сборникъ Голикова. Въ 1799 году, издавъ послѣднюю книжку своего альманаха «Аонидъ», онъ почувствовалъ охоту писать болѣе прозою «чтобы не загрубѣть умомъ», какъ выразился въ письмахъ къ Дмитріеву (стр. 111). Въ то же время умножилъ онъ свою библіотеку философскими и историческими сочиненіями и пристально занялся русскими лѣтописями. «Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ» (тамъ же, стр. 116). Тогда же обратился онъ къ исторіи русской литературы, взявшись составить текстъ къ предпринятому Бекетовымъ изданію портретовъ писателей [43]. Такъ совершался мало по малу переходъ его къ тому серіозному направленію, которое вскорѣ обнаружилось въ «Вѣстникѣ Европы» и наконецъ привело его къ громадному предпріятію. XVIII столѣтіе кончилось; пришелъ, говоря словами поэта, «вѣкъ новый, Царь младой, прекрасный!» [44] и для Карамзина настала самая многозначительная эпоха его дѣятельности. Окрыленный пробудившимся внезапно новымъ духомъ государственнаго бытія Россіи, онъ понялъ, какъ полезенъ можетъ быть журналъ, который будетъ выражать взгляды и потребности лучшихъ умовъ тогдашняго общества. Къ этому присоединилось еще и другое побужденіе. Женившись въ 1801 г., онъ видѣлъ въ изданіи журнала средство обезпечить матеріальное существованіе своей семьи. Какъ выросъ Карамзинъ со времени перваго своего предпріятія въ этомъ родѣ! Самое названіе, придуманное имъ для новаго журнала, показываетъ, какъ широко понималъ онъ свою задачу: чрезъ его посредство Русскіе должны были знакомиться съ европейской литературой и политикой. Съ

этимъ намѣреніемъ онъ выписалъ двѣнадцать англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ: «лучшіе авторы Европы», говорилъ онъ, «должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками* для удовольствія русской публики»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ желалъ, чтобы оригинальныя сочиненія «могли безъ стыда для нашей литературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ авторовъ» [45].

Съ начала 1802 г. «Вѣстникъ Европы» сталъ появляться двумя книжками въ мѣсяцъ, и въ каждой было постоянно два отдѣла: литературный и политическій. Послѣдній подраздѣлялся на общее обозрѣніе и на извѣстія и замѣчанія. Въ обозрѣніяхъ Карамзинъ часто излагалъ собственныя свои соображенія о тогдашнихъ событіяхъ, основанныя на внимательномъ изученіи современной политики, особливо по англійскимъ органамъ ея. Вторая часть политическаго отдѣла содержала извѣстія объ особыхъ происшествіяхъ и случаяхъ, анекдоты и т. п. и соотвѣтствовала тому, что въ литературномъ отдѣлѣ помѣщалось подъ названіемъ смѣси.

Настоящими перлами «Вѣстника Европы» были оригинальныя статьи самого издателя: въ каждой книжкѣ являлась по крайней мѣрѣ одна капитальная статья его, нерѣдко и болѣе; но онъ любилъ скрывать имя автора ихъ, подписываясь обыкновенно, какъ онъ дѣлалъ уже и въ «Московскомъ журналѣ», разными загадочными буквами, напр. Б. Ф., Ф. Ц., О. О. Статьи Карамзина въ «Вѣстникѣ Европы» такъ многочисленны и по своему содержанію такъ важны, что подробный разборъ ихъ потребовалъ бы отдѣльнаго труда. Мы можемъ обозрѣть ихъ только по главнымъ выраженнымъ въ нихъ идеямъ.

Характеромъ своимъ большая часть ихъ напоминаетъ нынѣшнія такъ-называемыя передовыя статьи. Въ нихъ Карамзинъ является горячимъ, просвѣщеннымъ патріотомъ и затрогиваетъ важнѣйшіе общественные вопросы, задачи внутренней и внѣшней политики, преобразованія Императора Александра I и отношенія Россіи къ Наполеону.

Предметы, особенно обращавшіе на себя вниманіе Карамзи-

на, были: воспитаніе юношества и вообще просвѣщеніе русскаго народа, возвышеніе національной гордости, пробужденіе самостоятельности въ общественной жизни. Посмотримъ, какія идеи болѣе всего занимали его, какіе, — выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, — онъ проводилъ взгляды. Но, зная возвышенный образъ мыслей Карамзина, его любовь къ человѣчеству и къ своему народу, мы, на самомъ первомъ шагу знакомства съ его воззрѣніями, можемъ впасть въ недоумѣніе передъ взглядомъ его на крѣпостное состояніе. Подобно многимъ лучшимъ людямъ того времени, онъ считалъ освобожденіе крестьянъ мѣрою преждевременною и опасною. Въ «Письмѣ сельскаго жителя» [46] онъ представляетъ молодаго человѣка, который, отдавъ всю свою землю крестьянамъ, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, предоставилъ имъ самимъ выбрать себѣ начальника, — и что же? Воля обратилась для нихъ въ величайшее зло, т. е. въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства. По мнѣнію Карамзина, помѣщикъ обязанъ удалять отъ крестьянъ всякое искушеніе этого порока; почему онъ возстаетъ особенно противъ заведенія питейныхъ домовъ и винокуренныхъ заводовъ, указывая въ русской исторіи на административныя мѣры для ограниченія пьянства. Рядомъ съ трезвостью онъ считаетъ важнымъ средствомъ улучшить положеніе крестьянъ возбужденіе въ нихъ трудолюбія или, какъ онъ выражается, *работливости*. «Иностранцы, замѣчаетъ онъ, напрасно приписываютъ рабству лѣность русскихъ земледѣльцевъ [47]: они лѣнивы отъ природы, отъ привычки, отъ незнанія выгодъ трудолюбія». Самыя существенныя условія благосостоянія крестьянъ онъ видитъ въ добрыхъ помѣщикахъ, въ христіанскомъ обращеніи съ народомъ, въ образованіи: «просвѣщеніе, по его словамъ, истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная» [48]. Впрочемъ, Карамзинъ не отвергалъ безусловно благодѣтельныхъ послѣдствій свободы крестьянъ: онъ предусматривалъ печальные плоды ея только въ ближайшемъ будущемъ и говорилъ: «Не знаю, что̀ вышло бы черезъ 50 или

100 лѣтъ: время, конечно, имѣетъ благотворныя дѣйствія; но первые годы, безъ сомнѣнія, поколебали бы систему мудрыхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ головъ»[49]. Впослѣдствіи Карамзинъ еще опредѣленнѣе выразилъ свой взглядъ на возможное въ будущемъ освобожденіе крестьянъ; но для этой мѣры онъ находилъ необходимымъ приготовленіе народа въ нравственномъ отношеніи и опасался послѣдствій ея при существованіи откуповъ и недобросовѣстности судей [50]. Читая мнѣнія, высказанныя Карамзинымъ по этому предмету въ «Вѣстникѣ Европы», мы не должны забывать, что онъ произносилъ ихъ за 60 слишкомъ лѣтъ тому назадъ; было ли бы тогда своевременно великое дѣло, совершившееся на нашихъ глазахъ, вопросъ, который дѣйствительно рѣшить не легко. «Время», прибавлялъ Карамзинъ, «подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его». Извѣстно, что на отмѣну крѣпостнаго права точно такъ же смотрѣли графъ Ростопчинъ, И. В. Лопухинъ, Державинъ, Мордвиновъ и другіе. Да и сама Екатерина II, по крайней мѣрѣ въ концѣ своего царствованія, находила, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной» [51].

Изъ приведенныхъ замѣчаній Карамзина можно уже заключить, какъ онъ долженъ былъ сочувствовать мѣрамъ Александра I для народнаго образованія. Дѣйствительно, онъ встрѣтилъ ихъ съ восторгомъ, и Александръ представалъ ему идеаломъ монарха. Нравственное образованіе, по понятіямъ Карамзина, есть корень государственнаго величія; въ этомъ убѣжденіи произнесъ онъ незабвенныя слова: «Въ XIX вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества» [52]. Вотъ почему въ изданномъ при Александрѣ всеобщемъ планѣ народнаго образованія Карамзинъ увидѣлъ зарю новой для Россіи эпохи. Онъ любилъ утверждать, что истинное просвѣщеніе не несовмѣстно съ скромными трудами земледѣльца, и въ доказательство того приводилъ крестьянъ англійскихъ, швейцарскихъ и

нѣмецкихъ, у которыхъ самъ онъ видѣлъ библіотеки, но которые однакожъ пашутъ землю и трудами рукъ своихъ богатѣютъ [53]. «Учрежденіе сельскихъ школъ», восклицаетъ Карамзинъ, «несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными», объяснялъ онъ далѣе, «гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ» [54]. Это убѣжденіе въ безусловной пользѣ грамотности онъ сохранилъ во всю жизнь и еще въ старости спорилъ съ Шишковымъ, который доказывалъ, что обучать весь народъ опасно. Одобряя мысль соединить съ сельскимъ обученіемъ грамотѣ начала простой и ясной морали, Карамзинъ совѣтовалъ составить для приходскихъ училищъ нравственный катихизисъ, въ которомъ объяснялись бы обязанности поселянина, необходимыя для его счастья. Соглашаясь также съ предположеніемъ поручить должность сельскихъ учителей духовнымъ пастырямъ, онъ считалъ нужнымъ прибѣгнуть вначалѣ къ мѣрамъ кроткаго понужденія, которыя, какъ онъ надѣялся, со временемъ уступятъ дѣйствію искренней охоты. Существенную важность въ дѣлѣ народнаго образованія придавалъ онъ сельской проповѣди, мечтая о дружескомъ сближеніи помѣщиковъ съ священниками, о частыхъ между ними бесѣдахъ въ гостепріимномъ барскомъ домѣ, о томъ, чтобы духовныя лица обладали, между прочимъ, познаніями въ естественныхъ наукахъ, — въ физикѣ, въ ботаникѣ, и особенно въ медицинѣ [55].

Что касается до воспитанія русскихъ дворянъ, то Карамзинъ скорбѣлъ, что они учась не доучиваются и по большой части учатся только до 15-ти лѣтъ, а тамъ спѣшатъ въ службу искать чиновъ; что въ Россіи дворяне чуждаются ученаго поприща и не поступаютъ на профессорскія каѳедры [56]. Радуясь правамъ, дарованнымъ новыми постановленіями университетскому совѣту, онъ, съ другой стороны, старался поднять, въ глазахъ всѣхъ сословій,

значеніе народнаго учителя. Въ особенности заботила его мысль, что бо́льшую часть наставниковъ въ Россіи составляютъ иностранцы, и онъ не разъ предлагалъ свои соображенія о замѣнѣ ихъ природными Русскими: «Екатерина», говорилъ онъ, «уже думала о томъ и хотѣла, чтобы въ кадетскомъ корпусѣ нарочно для сего званія воспитывались дѣти мѣщанъ: нельзя ли возобновить мысль ея, нельзя ли сравнять выгоды учительскаго званія съ выгодами чиновъ? или нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой россійское дворянство въ нынѣшнія счастливыя времена не пожалѣло бы денегъ?... У насъ не будетъ совершеннаго моральнаго воспитанія, пока не будетъ русскихъ хорошихъ учителей... Никогда иностранецъ не пойметъ нашего народнаго характера и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи. Иностранцы весьма рѣдко отдаютъ намъ справедливость: мы ихъ ласкаемъ, награждаемъ, а они, выѣхавъ за курляндскій шлагбаумъ, смѣются надъ нами или бранятъ насъ... и печатаютъ нелѣпости о Русскихъ» [57].

Въ приведенныхъ предложеніяхъ Карамзина мы видимъ первыя черты идей, послужившихъ основаніемъ тѣхъ мѣръ, которыя впослѣдствіи были приняты правительствомъ.

Позднѣе онъ подавалъ мысль имѣть въ каждомъ учебномъ округѣ отъ 300 до 500 воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, для замѣщенія достойнѣйшими изъ нихъ учительскихъ должностей; въ особенности совѣтовалъ онъ примѣнить такой порядокъ къ московской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзинъ возбуждалъ дворянъ къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ, выражая желаніе, чтобы каждый богатый человѣкъ воспитывалъ на свой счетъ при университетѣ отъ 10 до 20-ти молодыхъ людей, полагая на каждаго по 150 рублей.

Стараясь устранить иноземцевъ изъ русскаго воспитанія, Карамзинъ энергически настаивалъ на непосредственномъ и дѣятельномъ участіи самихъ родителей въ образованіи дѣтей [59] и сильно вооружался противъ отправленія послѣднихъ, для обученія, въ чужіе краи: всякій долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе

привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ [60]. При этомъ онъ не отвергалъ, однакожъ, надобности учиться иностраннымъ языкамъ, но находилъ, что ихъ можно достаточно узнать, не выѣзжая изъ Россіи: «можно ли сравнять выгоду хорошаго французскаго произношенія съ униженіемъ народной гордости? ибо народъ унижается, когда для воспитанія имѣетъ нужду въ чужомъ разумѣ» [61]. Впрочемъ, Карамзинъ признавалъ пользу отправленія за границу молодаго человѣка, уже основательно подготовленнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ узнать европейскіе народы и почувствовать даже самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ. Такое сознаніе, въ его глазахъ, не противорѣчитъ народному славолюбію, которое онъ считалъ душою патріотизма. «Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того и другіе уважать не будутъ... Станемъ смѣло на ряду съ другими народами, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородною гордостію» [62].

Карамзинъ вполнѣ понималъ уже необходимость народной самостоятельности въ жизни и въ литературѣ: «какъ человѣкъ, такъ и народъ, замѣчалъ онъ, начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собою. Хорошо и должно учиться, но горе и человѣку и народу, который будетъ всегда ученикомъ». Твердо вѣря въ будущее развитіе своего отечества, онъ говорилъ: «Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями» [63]. Но онъ понималъ также, что для полнаго образованія надобны вѣки, что Россіи предстоитъ еще много испытаній и борьбы, и въ этомъ смыслѣ заключалъ: «Если всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на нашу имперію, то не одно любопытство рождаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой» [64].

Таковъ былъ взглядъ Карамзина, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, на положеніе и потребности своей страны; такъ возбуждалъ онъ патріотизмъ своихъ согражданъ. Изъ всего приведеннаго мы видимъ, что главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія, главнымъ условіемъ успѣховъ Россіи въ ея государственномъ развитіи онъ считалъ просвѣщеніе и потому болѣе всего старался дѣйствовать словомъ на улучшеніе воспитанія и нравовъ. Не привожу многихъ другихъ, частныхъ воззрѣній его, напр. о вредѣ господствующей любви къ роскоши [65], о судьбѣ, угрожающей въ недалекомъ будущемъ «турецкому колоссу» [66], и проч. Не касаюсь также собственно литературныхъ произведеній Карамзина въ «Вѣстникѣ Европы», ни историческихъ статей его, которыя являются уже блестящими плодами его новаго, ученаго направленія и основательныхъ изслѣдованій.

Но въ этомъ журналѣ недоставало одного — критики. Карамзинъ находилъ, что она была бы роскошью въ нашей бѣдной литературѣ, что строгостью своею она можетъ убивать возникающіе таланты, что сильнѣе ея дѣйствуютъ образцы и примѣры, что, наконецъ, она должна выражаться развѣ похвалою хорошаго, но не осужденіемъ дурнаго [67]. Главною причиной такого переворота во взглядѣ Карамзина на критику была, конечно, уже испытанная имъ истина, что критика раздражаетъ самолюбіе и производитъ разладъ между писателями. Достигнувъ большаго вѣса въ литературѣ, вызвавъ толпу послѣдователей, онъ въ то же время нашелъ много враговъ и завистниковъ и предвидѣлъ, что критика вовлекла бы его въ нескончаемую борьбу, противную его мягкому характеру, и онъ заранѣе уклонился отъ этой щекотливой обязанности журналиста.

Такимъ-то образомъ журнальная дѣятельность, въ окончательномъ итогѣ, не годилась для Карамзина, и неудивительно, что въ оба раза, когда онъ вступалъ на это поприще, онъ не могъ оставаться на немъ долѣе двухъ лѣтъ. Благодаря разнообразію своихъ способностей, онъ однакожъ съ честью прошелъ и этотъ путь. По успѣхамъ позднѣйшаго времени, его два періодическія

изданія, конечно, могутъ считаться только начатками, но это такіе начатки, которые для журналистовъ всѣхъ временъ могутъ во многихъ отношеніяхъ служить образцами. Карамзинъ былъ тѣмъ журналистомъ-фениксомъ, на котораго Ломоносовъ указывалъ какъ на величайшую рѣдкость [68]

Въ концѣ своего журнальнаго поприща Карамзинъ принадлежалъ уже болѣе наукѣ, нежели публицистикѣ. Для того, чтобы отъ изданія «Вѣстника» перейти къ великому историческому труду и съ такою настойчивостью вести его, нужна была исполинская сила любви къ наукѣ [69], и вѣры въ свое призваніе; нужна была и обширная подготовка, дѣйствительно пріобрѣтенная имъ, незамѣтно для свѣта, въ послѣднее десятилѣтіе. При всемъ томъ, онъ не могъ не понимать всей тяжести геркулесовской ноши, которую рѣшался поднять; онъ не могъ не понимать того, что̀ понимали многіе, — что такое предпріятіе, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, требовало бы совокупнаго или даже послѣдовательнаго дѣйствія многихъ силъ. Еще въ «Московскомъ журналѣ» его была напечатана статья профессора Барсова, который, предложивъ планъ предварительныхъ работъ для сочиненія русской исторіи, высказалъ, что не только самая эта исторія, но уже и собраніе и сличеніе матеріаловъ для нея можетъ быть приведено въ дѣйствіе не иначе, какъ обществомъ нѣсколькихъ ученыхъ и трудолюбивыхъ людей, при щедрыхъ пособіяхъ и награжденіяхъ [70]. Но, понимая это, Карамзинъ, къ счастію, еще болѣе былъ убѣжденъ, какъ онъ писалъ къ Муравьеву, «что десять обществъ не сдѣлаютъ того, что̀ сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ» [71]. Въ этой увѣренности Карамзинъ, счастливо поддержанный правительствомъ, съ жаромъ приступилъ къ выполненію своего предпріятія, и отдалъ одной идеѣ всю остальную жизнь свою, — почти четверть вѣка. Литература всѣхъ народовъ едва ли представляетъ много примѣровъ труда, который, въ данныхъ условіяхъ, былъ бы совершонъ съ такою настойчивостью и съ такимъ успѣхомъ [72]. Пусть его исторія представляетъ свои слабыя стороны; пусть онъ въ пониманіи

своей задачи не достигъ еще той высоты, на которую стала наука въ наше время; можетъ быть, не вполнѣ обнималъ связь событій, не довольно глубоко проникалъ въ смыслъ явленій. Не забудемъ, что въ исторической литературѣ западной Европы тогда еще господствовали тѣ же взгляды, которыми онъ руководствовался. Обратимъ вниманіе на изумительную основательность и добросовѣстность его изслѣдованій, на безконечную массу имъ собранныхъ и имъ же въ первый разъ разработанныхъ рукописныхъ матеріаловъ, на прекрасные пріемы его во всѣхъ подробностяхъ труда, наконецъ, на достоинство его исторической критики, хотя еще и несовершенной, однакожъ замѣчательно здравой и многообъемлющей. Вѣрность и точность сообщаемыхъ имъ фактовъ, богатство, полнота и система его примѣчаній, художественное воплощеніе сухихъ лѣтописныхъ сказаній въ образы, по большей части вѣрные дѣйствительности, всегда яркіе и полные жизненной теплоты, наконецъ, наглядность его изложенія не только въ разсказѣ, но и во внутреннемъ распорядкѣ, — все это ставитъ исторію Карамзина на такую высоту, съ которой не сведутъ ея никакіе послѣдующіе труды, и дѣлаетъ ее навсегда необходимымъ пособіемъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей. Извѣстно, что до исторіи Карамзина никакая книга, а тѣмъ болѣе никакая серіозная и по цѣнѣ дорогая книга не имѣла въ Россіи такого блестящаго успѣха; первые восемь томовъ ея, напечатанные въ числѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, разошлись менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ [73]. Но не многіе знаютъ, какое вниманіе эта книга обратила на себя въ Европѣ. Этимъ она, безъ сомнѣнія, была отчасти обязана любопытству, возбужденному въ народахъ великою ролью, какую играла Россія въ недавнихъ событіяхъ; но тѣмъ взыскательнѣе должны были сдѣлаться Европейцы къ русскому историку. Тутъ представляется намъ опять явленіе небывалое: въ самое короткое время исторію Карамзина переводятъ на языки французскій, нѣмецкій и итальянскій [74]; переводчики стараются даже перебить другъ друга. Въ лучшихъ европейскихъ журналахъ помѣщаются одобрительные разборы знаменитаго сочиненія. Скромный историо-

графъ былъ еще прежде обрадованъ добрымъ мнѣніемъ о немъ нашего академика Круга, который признавался, что нашелъ его ученѣе, нежели воображалъ [75]. Каково же было Карамзину читать отзывъ о своемъ трудѣ одного изъ первыхъ тогдашнихъ авторитетовъ въ исторіи? Профессоръ Геренъ, уже по введенію его, призналъ въ немъ автора, много размышлявшаго не только о своемъ предметѣ, но также о самой сущности исторіи вообще, о ея достоинствѣ, ея цѣли и способѣ изображенія,—автора, проникнутаго величіемъ и достоинствомъ своего предмета. Въ своемъ разборѣ Геренъ восхищается, между прочимъ, примѣчаніями Карамзина и истинно-нѣмецкимъ прилежаніемъ, съ какимъ онъ пользовался какъ всѣми источниками, такъ и произведеніями новѣйшихъ историковъ почти всѣхъ образованныхъ народовъ Европы; наконецъ, геттингенскій критикъ выражаетъ увѣренность, что Карамзинъ можетъ спокойно ожидать приговора потомства [76].

Такой же лестный пріемъ встрѣтила его исторія во Франціи. «Монитёръ» поставилъ ее на ряду съ классическими произведеніями, дѣлающими наиболѣе чести новѣйшей литературѣ. «Всегда основательныя сужденія», замѣчаетъ французскій критикъ, «внушены автору здравою философіей и безпристрастіемъ; слогъ его важенъ, полонъ достоинства и дышитъ какой-то добросовѣстностью, какимъ-то національнымъ чувствомъ, обличающими въ историкѣ честнаго человѣка еще прежде ученаго [77]. Тронутый теплою статьею «Монитёра», Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Этотъ академикъ посмотрѣлъ ко мнѣ въ душу; я услышалъ какой-то глухой голосъ потомства» [78]. Итакъ, вотъ судъ, какого нашъ историкъ желалъ себѣ отъ насъ, и мы, съ любовью памятуя нынѣ заслуги его, можемъ безъ лицепріятія подтвердить отзывъ просвѣщеннаго иноземца.

Съ того времени, какъ Карамзинъ приступилъ къ сочиненію исторіи, онъ уже не писалъ ничего чисто-литературнаго, и вообще не позволялъ себѣ уклоняться въ сторону отъ главной цѣли. Разъ только онъ отступилъ отъ этого правила довольно обширнымъ трудомъ, — своей знаменитой «Запиской о древней и новой Рос-

сіи», написанной имъ въ концѣ 1810 года, по вызову великой княгини Екатерины Павловны, и разсматривающей множество правительственныхъ вопросовъ, которые до сихъ поръ сохраняютъ всю свою важность для Россіи [79]. Не считая себя въ правѣ рѣшать, въ какой степени вѣрны всѣ изложенные здѣсь взгляды Карамзина, позволю себѣ выставить только то обстоятельство, что онъ, осуждая бо́льшую часть предпринятыхъ тогда реформъ, не становится однакожъ защитникомъ неподвижной старины; напротивъ, онъ находитъ недостаточнымъ измѣненіе однѣхъ формъ и названій, и настаиваетъ на болѣе глубокихъ и существенныхъ преобразованіяхъ; вообще же, всего положительнѣе указываетъ онъ на необходимость самостоятельнаго развитія государственной жизни и требуетъ національной политики. Живя въ Москвѣ, вдали отъ центра дѣлъ, привыкнувъ мыслить и писать самобытно, онъ могъ выразить въ этой запискѣ только свои собственныя задушевныя убѣжденія [80], основанныя на многостороннемъ знаніи современныхъ обстоятельствъ, на многолѣтнемъ изученіи русской исторіи и на горячей любви къ отечеству, заставлявшей его желать такихъ мѣръ, которыя клонились бы ко благу всей Россіи; и это-то пониманіе истинныхъ ея потребностей, въ эпоху почти всеобщихъ увлеченій, всего удивительнѣе въ его запискѣ послѣ той доблестной откровенности, съ какою она была задумана и написана.

Сосредоточивъ свое авторство на исторіи, Карамзинъ продолжалъ однакожъ вести переписку съ разными лицами. Почти всѣ его письма теперь приведены уже въ извѣстность [81]; они драгоцѣнны для насъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ вполнѣ отразился человѣкъ и писатель, которымъ могли бы справедливо гордиться первые по ибразованію европейскіе народы. Какъ любопытно слѣдить въ нихъ за нимъ, шагъ за шагомъ, въ его историческомъ трудѣ! Мы видимъ тутъ, какъ развивались его взгляды на разные періоды и характеры русской исторіи, какія впечатлѣнія онъ выносилъ изъ перваго знакомства съ источнаками, какъ радовался онъ своимъ ученымъ находкамъ и открытіямъ [82]! Ви-

димъ, какъ онъ иногда, по человѣческой немощи, слабѣлъ, унывалъ въ своемъ необъятномъ трудѣ, и потомъ съ новою бодростью возвращался къ нему. Любопытно также видѣть, какъ много читалъ онъ актовъ новой русской исторіи, которые доставлялись ему изъ архивовъ, и какъ онъ живо представлялъ себѣ, что могъ бы сдѣлать изъ нихъ, еслибъ занялся ближайшими къ намъ временами. Посреди ученой дѣятельности онъ находилъ время и для чтенія замѣчательнѣйшихъ произведеній современной западно-европейской литературы, которыя частью самъ отыскивалъ, частью получалъ отъ обѣихъ императрицъ.

Рядомъ съ этою жизнію мысли и труда какъ богата была его сердечная жизнь! Онъ на дѣлѣ оправдывалъ то, что писалъ однажды къ Батюшкову: «Чувство выше разума: оно есть душа души — свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни»[83]. Съ неистощимою любовью и нѣжностью онъ, не смотря на непрерывныя умственныя занятія, удовлетворялъ потребности обмѣна мыслей не только съ своимъ семействомъ и близкими друзьями, но и съ отсутствовавшимъ другомъ своей молодости, Дмитріевымъ. Это самое чувство любви проникало всѣ его отношенія, съ одной стороны, къ собратьямъ его по литературѣ, съ другой — къ императорскому семейству. Какъ необычайно было это сближеніе между монархомъ и человѣкомъ, котораго вся жизнь сосредоточивалась въ кабинетѣ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова безкорыстнымъ жрецомъ науки. Иногда его самого поражала особенность этого явленія, и онъ писалъ въ 1821 году: «Судьба страннымъ образомъ приближила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ»[84]. По характеру и духу образованія Александра I, насъ не можетъ удивлять взаимное сочувствіе этихъ двухъ историческихъ лицъ. Рожденіе обоихъ принадлежало почти къ одной и той же эпохѣ; они были воспитаны среди одинаковой въ сущности атмосферы идей и понятій. Первыя дѣйствія Александра, по вступленіи его на престолъ, воспламенили въ Карамзинѣ энтузіазмъ къ монарху,

«юному лѣтами, но зрѣлому мудростью, который (какъ выражался «Вѣстникъ Европы») открывалъ необозримое поле для всѣхъ надеждъ добраго сердца» [85]. Карамзинъ съ полною искренностью заговорилъ въ своемъ журналѣ о его необыкновенной благости, замѣтилъ, что «не только Россія и Европа, но и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей» [86]. Александръ, съ своей стороны, конечно будучи еще великимъ княземъ, зналъ Карамзина по его сочиненіямъ и цѣнилъ его. Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Второй, 1802 г., будущій историкъ спрашиваетъ: «Унижается ли монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высоты трона, становится на ряду съ людьми и, будучи любимцемъ *судьбы*, платитъ дань уваженія любимцамъ *природы*, отличнымъ дарованіями?» [87] Александръ сдѣлалъ болѣе и тѣмъ поставилъ себя, въ глазахъ потомства, неизмѣримо высоко: вѣчною благодарностью обязана русская литература и наука государю, который, приблизивъ къ престолу писателя, своею личною опорою оградилъ его отъ опасностей этого положенія и далъ ему возможность спокойно и успѣшно продолжать великій трудъ въ тишинѣ уединенія, не нуждаясь въ дворскихъ связяхъ и ненадежномъ покровительствѣ людей случайныхъ. Изъ писемъ исторіографа мы узнаемъ высокій характеръ этихъ необыкновенныхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ. Правдивость, откровенность, честность Карамзина во всемъ, что онъ говорилъ и писалъ Александру, равнялась только тому вниманію и великодушію, съ какимъ выслушивалъ его государь, тому безграничному благоволенію, какое онъ оказывалъ своему *искреннему* (такъ Александръ называлъ Карамзина) — не наградами, не отличіями, но знаками любви и уваженія человѣка къ человѣку [88]. Правда, что «Записка о древней и новой Россіи», которою исторіографъ ставилъ на карту всю свою будущность или, покрайней мѣрѣ, судьбу своего дорогаго историческаго труда, эта смѣлая записка временно удалила государя отъ ея автора, но то было на самыхъ первыхъ порахъ ихъ сближенія, и впослѣдствіи

довѣріе Александра къ Карамзину было тѣмъ полнѣе и тверже. Письмо о Польшѣ [89] хотя также не понравилось государю, однакожъ нисколько не разстроило ихъ прежнихъ отношеній. Александръ говорилъ Карамзину: «Въ нашихъ отношеніяхъ мнѣ особенно пріятно то, что ты ничего отъ меня не ожидаешь, я же зняю, что ты не будешь моимъ историкомъ» [90]. Чувство исторіографа къ императору не было только благоговѣніемъ и благодарностью; это была глубокая, горячая, безкорыстная любовь; всякое сомнѣніе въ томъ исчезаетъ при чтеніи писемъ Карамзина къ Дмитріеву, которыя такъ полны сердечныхъ выраженій преданности къ государю. Таково же было его отношеніе къ обѣимъ императрицамъ и къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая первая изъ особъ императорскаго дома узнала и полюбила Карамзина. Цѣня выше всего умственные интересы, эти царственныя жены умѣли отвести имъ широкое мѣсто въ жизни своей, находили особенное наслажденіе въ частыхъ бесѣдахъ съ писателемъ и своимъ сердечнымъ вниманіемъ украсили его уединенную жизнь въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ. Его переписка съ ними, отличающаяся рѣдкимъ соединеніемъ свободы и простоты съ достоинствомъ тона, остается также краснорѣчивымъ [91] памятникомъ высокаго благородства души его.

Ни разу Карамзинъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ для своихъ личныхъ выгодъ; но, не признавая за собою права на новыя благодѣянія государя, не позволяя себѣ даже просить его быть воспріемникомъ новорожденнаго сына [92], постояно лелѣя завѣтную думу возвратиться въ Москву, онъ радовался, что могъ, живя въ Петербургѣ, дѣлать иногда добро другимъ. Случай къ тому доставляли ему, вообще, его обширныя связи и вѣсъ, которымъ онъ пользовался. Съ особенной готовностью оказывалъ онъ помощь писателямъ, искавшимъ его покровительства: такъ онъ исходатайствовалъ пенсіи Владиміру Измайлову и Сергѣю Глинкѣ [93]; такъ онъ вступился за Пушкина, когда ему угрожало строгое заточеніе за его поэтическія шалости, и

достигъ того, что оно было замѣнено удаленіемъ его на службу въ Бессарабію [94].

Всего возвышеннѣе является Карамзинъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ врагамъ. «Дѣлать зла», говорилъ онъ, «не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ» [95]. Къ главному изъ нихъ, Шишкову, онъ не питалъ никакой непріязни, находилъ въ немъ доброту и честность [96] и благодушно сознавалъ пользу, какую извлекъ изъ его критики, въ искусствѣ писать. Язвительныя рецензіи Каченовскаго онъ также называлъ полезными для себя и поучительными, и при избраніи Каченовскаго въ члены Россійской Академіи положилъ ему бѣлый шаръ за себя и за своихъ довѣрителей [97]; Ходаковскому, который съ грубыми насмѣшками разбиралъ его исторію, но потомъ прибѣгнулъ къ его помощи, онъ оказалъ услугу не только ходатайствомъ за него передъ правительствомъ, но и денежною поддержкою изъ собственныхъ своихъ средствъ [98]. Съ гордымъ достоинствомъ онъ отзывался о низкихъ на него нападкахъ завистливой посредственности. Его неизмѣннымъ правиломъ съ самой молодости было не отвѣчать на критику; еще путешествуя по Европѣ, онъ восхищался равнодушіемъ Лафатера къ тому, что̀ о немъ писали, видѣлъ въ этомъ знакъ рѣдкой душевной твердости и говорилъ, что человѣкъ, который, поступая по совѣсти, не смотритъ на то, что̀ о немъ думаютъ, есть для него великій человѣкъ [99]. Этому взгляду онъ остался вѣренъ до старости; такъ онъ однажды писалъ къ А. И. Тургеневу: «Истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ» [100]; когда же Каченовскій нападалъ на него въ «Вѣстникѣ Европы», а Дмитріевъ возбуждалъ его къ полемикѣ, онъ возразилъ ему въ одномъ письмѣ: «А ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики! Нѣтъ, я лѣнивъ... Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ; умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я какъ папа безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота» [101].

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Карамзинъ слѣдовалъ самымъ строгимъ правиламъ чести и нравственности, не позволяя себѣ

кривыхъ путей даже и въ добрѣ [102]. Однимъ изъ господствующихъ состояній его души было то высокое страданіе любви, которое свойственно только душамъ избраннымъ: онъ живо принималъ къ сердцу все, что̀ касалось не только близкихъ къ нему, но и постороннихъ. Его глубоко огорчало то, что̀ по его мнѣнію не отвѣчало пользамъ Россіи: всякое общественное дѣло, котораго онъ не могъ одобрить, разстроивало его, мѣшало ему работать. «Ты знаешь, кажется», говорилъ онъ Дмитріеву, «что я не очень золъ въ отношеніи къ своимъ личнымъ непріятелямъ; но общественныя злодѣйства, которыя можно назвать язвою государственною, трогаютъ меня до глубины души» [103]. Въ домашнемъ быту никогда не видали его гнѣвнымъ; когда случалось что-либо непріятное, онъ скорбѣлъ, страдалъ, но не сердился. Вообще, въ послѣдніе годы жизни Карамзинъ представляется намъ высокимъ христіаниномъ, мудрецомъ, достигшимъ полнаго мира съ собою, равнодушнымъ къ свѣту и суетѣ его. Славѣ своей онъ не придавалъ большой цѣны и никогда не хвалился ею. Къ концу жизни письма его, всегда полныя достоинства, принимаютъ какой-то особенный оттѣнокъ яснаго и умилительнаго спокойствія. Вопреки обыкновенной человѣческой слабости, онъ уже рано сталъ говорить о приближеніи старости, о смерти [104]; но онъ говорилъ о нихъ безъ страха и горечи, видѣлъ въ нихъ, какъ и во всемъ, одну свѣтлую, примирительную сторону. «Чтобы чувствовать всю сладость жизни, — писалъ онъ къ Дмитріеву за нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною, — надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству» [105]. Въ этомъ отношеніи письма его представляютъ что-то совершенно особенное: какъ-будто часъ роковой развязки заранѣе ему извѣстенъ, онъ съ полною увѣренностью предусматриваетъ скорое окончаніе своего земнаго поприща, и переписка его съ Дмитріевымъ прерывается не внезапно, не неожиданно: онъ самъ съ полнымъ сознаніемъ подготовляетъ и приводитъ насъ къ концу ея.

То же видимъ и въ перепискѣ его съ государемъ и съ императрицей Елисаветой Алексѣевной: въ послѣдніе годы пищущіе какъ-бы предчувствуютъ, что смерть постигнетъ ихъ скоро и почти одновременно: они трогательно увѣщеваютъ другъ друга жить долѣе [106]

Я долженъ, хотя слегка, коснуться еще одной стороны въ жизни Карамзина, — его положенія въ литературѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ своей исторіей, онъ увидѣлъ вокругъ себя группу молодыхъ даровитыхъ писателей, которые съ восторгомъ привѣтствовали въ немъ своего учителя. Ихъ сочувствіе, ихъ горячая приверженность были для него дороже самой славы, этой холодной, невѣрной и часто слишкомъ неразборчивой богини. То были такъ называемые Арзамасцы, — Тургеневъ, Дашковъ, Блудовъ, Уваровъ, Батюшковъ, Жуковскій и другіе [107]. Празднуя память Карамзина, можемъ ли не посвятить минутнаго воспоминанія и имъ, почти забытымъ въ наше тревожное время, но которые лучше всѣхъ поняли Карамзина и усвоили себѣ его литературно-нравственный кодексъ, какъ дорогое завѣщаніе русскимъ писателямъ. По смерти его, Жуковскій, представившій въ себѣ самое полное преемство этихъ убѣжденій, преданный ихъ родоначальнику съ особеннымъ энтузіазмомъ, всѣхъ теплѣе выразилъ отношеніе къ нему Арзамасцевъ и въ посланіи къ Дмитріеву такъ заключилъ воспоминаніе о Карамзинѣ:

«Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ» [108]

И таково дѣйствительно должно быть для Русскихъ значеніе этой дорогой могилы, изъ которой какъ будто слышатся слова, сказанныя Карамзинымъ въ предсмертномъ письмѣ къ гр. Каподистріи [109]: «Милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать». Что въ

жизни народовъ, въ исторіи ихъ образованія можетъ быть отраднѣе и многозначительнѣе появленія подобныхъ дѣятелей? Они составляютъ вѣнецъ просвѣщенія. Нація, могущая указать въ своихъ лѣтописяхъ на такія лица, имѣетъ право не отчаяваться въ своемъ будущемъ. Но всѣ усилія передовыхъ ея людей должны быть направлены къ тому, чтобы явленія этого рода не оставались у нея одинокими. До тѣхъ поръ, пока воспитаніе и нравы не приготовятъ почвы, благопріятной для развитія личнаго достоинства человѣка, до тѣхъ поръ, пока высокіе характеры не будутъ возникать чаще, никакіе успѣхи ума и матеріальнаго благосостоянія, никакія общественныя реформы не будутъ имѣть полнаго значенія. Примѣръ Карамзина показываетъ, какъ благотворны такіе дѣятели для всего окружающаго ихъ міра. Еще недостаточно оцѣнено то дѣйствіе, какое онъ производилъ на современное ему общество не только какъ публицистъ, разсказчикъ, историкъ, но и какъ высокій моралистъ. Но соприкосновеніе съ такими лицами плодотворно не въ одномъ настоящемъ: ихъ духъ, ихъ помыслы и дѣла сохраняютъ свое вліяніе еще и въ потомствѣ. Можно смѣло сказать, что близкое знакомство съ Карамзинымъ сдѣлалось навсегда необходимымъ элементомъ образованія для каждаго Русскаго. Пусть же память его живетъ въ уваженіи; пусть его умственное наслѣдіе будетъ не только предметомъ справедливой народной гордости, но и благодатнымъ посѣвомъ для жатвы будущихъ поколѣній.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ «ОЧЕРКУ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ КАРАМЗИНА», СОСТАВЛЕННОМУ Я. К. ГРОТОМЪ.

---

1) Два раза Карамзину предлагаема была каѳедра русской исторіи. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ М. Н. Муравьеву отъ 28 сентября 1803 года онъ говоритъ: «Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы Профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дерптскіе Кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта» *). По поводу бывшаго юбилея, въ Neue Dörptsche Zeitung (1866, $^{1}/_{13}$ декабря, № 280) напечатано письмо Карамзина, написанное имъ въ отвѣтъ на сказанное предложеніе къ предсѣдателю попечительства дерпскаго университета, графу Мантейфелю. Вотъ оно въ подлинникѣ:

Moscou, le 30 mars 1802.

Monsieur le Comte,

La proposition dont Votre Excellence veut bien m'honorer au nom de Messieurs les Curateurs de l'Université de Dorpat, me pénètre de reconnaissance; et c'est avec peine que je me vois forcé par les circonstances de renoncer au beau titre qui m'est offert. Agréez, Mon-

---

*) Въ статьѣ Архенхольца о Клопштокѣ, переведенной Карамзинымъ, вниманія заслуживаютъ строки: «Имѣя рѣдкія свѣдѣнія, онъ никогда не хотѣлъ быть профессоромъ, ибо любилъ заниматься и работать свободно, безъ всякаго принужденія» (В. Е. 1803, № 11, стр. 184).

sieur le Comte, mes sincères remerciemens et les voeux ardens que je fais pour les progrès d'un établissement si intéressant pour tous les vrais amis de la Patrie et des sciences, parmi lesquels j'ose me compter. Un autre plus capable sans doute se trouvera pour remplir la tâche honorable dont Messieurs les Curateurs ne m'ont point cru indigne; mais personne ne me surpasserait en zèle, si je pouvais l'accepter.

C'est avec les sentimens de la plus vive reconnaissance et d'un profond respect que j'ai l'honneur d'être,

de Votre Excellence,
le très humble et très-obéissant serviteur
Karamsine.

Русскій переводъ этого письма напечатанъ въ № 325 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1866 г.

Другое подобное предложеніе было получено Карамзинымъ изъ Харьковскаго университета, уставъ котораго утвержденъ 5 ноября 1804 года. «По открытіи университа, ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, географіи и статистики совѣтъ избралъ Карамзина, но историографъ не могъ принять каѳедры, посвятивши себя исключительно труду, составившему впослѣдствіи его славу. По полученіи отвѣта Карамзина выборъ палъ на находившагося въ его округѣ знатока русской исторіи, учителя главнаго народнаго училища въ Воронежѣ, Успенскаго» (М. Сухомлинова «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I», ч. I, стр. 60, 70 и 86.—Ср. Рославскаго-Петревскаго «Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое дѣсятилѣтіе его существованія», стр. 22 и 23).

Впослѣдствіи Карамзину предлагаемы были дожности губернатора въ Твери и попечителя Московскаго учебнаго округа (передъ назначеніемъ въ нее князя П. А. Оболенскаго 1816 г., см. «Письма» къ Дмитріеву, стр. 202 и 203). Что касается до свидѣтельствъ о *предложеніи* ему званія министра народнаго просвѣщенія («Письма» къ Дмитріеву, стр. 159), то нѣкоторые изъ близкихъ къ Карамзину людей отвергаютъ это и говорятъ, что была *только рѣчь* о порученіи ему министерскаго портфеля. На этомъ основаніи и г. Погодинъ пишетъ: «Государь, наслышась о достоинствахъ Карамзина, при назначеніи Дмитріева, въ началѣ 1810 г., министромъ юстиціи, имѣлъ мысль поручить Карамзину министерство народнаго просвѣ-

щенія, съ званіемъ директора, по малому его чину: онъ былъ тогда надворнымъ совѣтникомъ. Сперанскій отклонилъ это назначеніе, предлагая его сдѣлать прежде куратором московсковскаго университета («Карамзинъ по его сочиненіямъ» и проч., ч. II, стр. 60). На этотъ разъ Карамзину предпочтенъ былъ для министерства графъ Разумовскій. Послѣ паденія Сперанскаго было опять предположеніе назначить на его мѣсто Карамзина; но Балашовъ, которому Государь сообщилъ эту мысль, указалъ на Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота, незадолго передъ тѣмъ обратившаго на себя вниманіе свою рѣчью *О любви къ отечеству* (Изъ Воспоминаній К. С. Сербиновича).

О послѣднемъ предположеніи графъ Блудовъ такъ мнѣ разсказывалъ: «По паденіи Сперанскаго государю называли двухъ кандидатовъ на его мѣсто, — Карамзина и Шишкова. Александръ избралъ Шишкова, вѣроятно по наговорамъ, что Карамзинъ не способенъ къ такой должности. Впослѣдствіи Карамзинъ говорилъ, что онъ былъ радъ тому: въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ Россіи отказаться было бы нельзя, а между тѣмъ онъ не могъ бы говорить въ духѣ угодномъ государю». — Наконецъ, есть еще извѣстіе, что Александръ думалъ назначить Карамзина преемникомъ князя Голицына по министерству народнаго просвѣщенія. «Странно», замѣчаетъ Е. П. Ковалевскій, «что въ оба раза государь назначалъ Шишкова, какъ бы для того, чтобы показать Карамзину, что въ этомъ выборѣ ни привязанность, ни строгая оцѣнка достоинствъ не имѣли мѣста» («Графъ Блудовъ и его время», стр. 157).

2) Такъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя. Однажды онъ писалъ къ Дмитріеву: «Ты говоришь о достоинствѣ *Исторіографа:* но Исторіографъ еще менѣе Карамзина (между нами будь сказано)». «Письма» къ Дмитріеву, стр. 248.

3) См. въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1861 года мою критическую замѣтку по поводу одной рецензіи изданныхъ незадолго передъ тѣмъ «Писемъ Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому». — «Память Карамзина», было между прочимъ сказано въ этой замѣткѣ, «дорога всему, что есть въ Россіи образованнаго, и говорить о немъ съ грубымъ презрѣніемъ и насмѣшкою, не значитъ ли показывать большое неуваженіе къ публикѣ, давать разумѣть, что мы считаетъ ее невѣжественною и ничего не смыслящею?»

4) См. Русскій Архивъ 1865 г., стр. 992.

5) Въ Карамзинѣ созрѣлъ благороднѣйшій плодъ изученія въ

Россіи европейской литературы 18-го вѣка. Онъ былъ эклектикъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Свою авторскую характеристику, или исповѣдь онъ самъ представилъ въ небольшой статьѣ: «Что нужно автору?» которая краснорѣчиво оканчивается словами: «Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ». (Соч. Кар., изд. Смирд., т. III, стр. 372). Здѣсь же Карамзинъ выразилъ свое многознаменательное сочувствіе къ Геснеру и къ Руссо. Еще болѣе развитъ тотъ же предметъ въ статьѣ, написанной 10-ю годами позже (1803): «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?», въ заключеніи которой выражены слѣдующія замѣчательныя мысли: «что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ худыхъ писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ латинской элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что онъ, избирая для себя патріотическіе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству». (Соч. Кар., т. III, стр. 532).

6) Соч. Карамзина, т. III, «Рыцарь нашего времени», стр. 265.

7) Тамъ же, т. II, стр. 549.

8) «Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», ч. II, стр. 573. При пересмотрѣ однихъ заглавій сочиненій Шадена насъ поражаетъ, что Карамзинъ впослѣдствіи писалъ отчасти о тѣхъ же предметахъ или, по крайней мѣрѣ, высказывался о нихъ совершенно согласно съ образомъ мыслей своего бывшаго наставника. Такъ мы находимъ у Шадена рѣчи на темы: о правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей, о монархіяхъ въ отношеніи къ возбужденію любви къ отечеству, о Екатеринѣ Великой, какъ законодательницѣ (похвальное слово), о воспитаніи дворянскаго юношества, о вредѣ роскоши.

9) См. ниже примѣч. 13.

10) «Біографич. Словарь Моск. университета», ч. II, стр. 562.

11) «Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствіе нѣжнаго образованія души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ, которая, питая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и паренія» (Соч. Кар. т. I, «Пантеонъ русскихъ авторовъ», стр. 578).

12) Соч. Кар., т. III, «Чувствительный и Холодный», стр. 620.

13) Что воспитаніе Карамзина долго оставалось въ женскихъ рукахъ, о томъ мы можемъ заключить изъ «Рыцаря нашего вре-

мени». Если это и не автобіографія въ строгомъ смыслѣ слова, по крайней мѣрѣ разсказъ въ родѣ «Dichtung und Wahrheit» Гёте. При напечатаніи послѣднихъ главъ его (IX — XIII), подъ которыми читается подпись «Ц. П. У.» и замѣчено: «*продолженіе впредь*», Карамзинъ такъ оговорился: «Продолженіе Романа, котораго начало было напечатано въ 13 и въ 18 нумерѣ *Вѣстника Европы* прошедшаго года. Естьли читатели забыли его, то слѣдующія главы будутъ для нихъ *отрывкомъ*. Сей Романъ вообще основанъ на *воспоминаніяхъ* молодости, которыми авторъ занимался во время душевной и тѣлесной болѣзни: такъ по крайней мѣрѣ онъ намъ сказывалъ, отдавъ его, съ низкимъ поклономъ, для напечатанія въ журналѣ» (Вѣстникъ Европы 1803, ч. X, № 14, стр. 121 — 142).

Впослѣдствіи Карамзинъ, въ присутствіи К. С. Сербиновича, свидѣтельствовалъ, что онъ Леону приписалъ разныя черты *своего* дѣтства: чтеніе книгъ, изъ которыхъ самою тяжелою по слогу была «Книга языкъ», переведенная съ французскаго Волчковымъ *); первая идея о Богѣ; общество дворянъ въ домѣ отца Николая Михайловича, при чемъ гости задумали себѣ и особые мундиры,— все это, по сознанію Карамзина, истина. Графиня, о которой рѣчь идетъ въ разсказѣ, была Пушкина. У мужа ея Николай Михайловичъ бралъ для чтенія книги, и между прочимъ Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго (Воспоминанія К. С. Сербиновича).

Замѣтимъ, что Леонъ до 10 лѣтъ отъ роду ничему не учился; почти все, что̀ онъ зналъ, досталось ему изъ книгъ. Тогда молодая дама, сосѣдка его отца по деревнѣ, стала давать ему уроки исторіи, географіи и французскаго языка; въ послѣднемъ онъ оказалъ особенно быстрые успѣхи. Нѣмецкому Карамзинъ учился первоначально у симбирскаго пожилаго врача (И. Дмитріева «Взглядъ на мою жизнь», стр. 38). Въ обоихъ этихъ языкахъ, однакожъ, онъ усовершенствовался позднѣе, во время своего путешествія по Европѣ. *Когда* онъ впервые познакомился съ англійскимъ, — въ точности неизвѣстно. Будучи въ Лондонѣ (1790), онъ сожалѣлъ, что худо зналъ этотъ языкъ, и говорилъ между прочимъ: «я все понимаю, что̀ мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать» (Соч. Кар., т. II, стр. 684, 750).

Первое знакомство Леона съ русской исторіей началось въ раннемъ его дѣтствѣ, когда онъ слушалъ разговоры пріятелей отца

*) Смирдинская «Рукопись», № 1295.

своего, которые, какъ онъ выражается, «не знали, что̀ за звѣрь политика и литература, а разсуждали, спорили, шумѣли». Они любили, между прочимъ, *анекдоты старины*, и Леонъ помнилъ, какъ одинъ изъ этихъ гостей, воеводскій товарищъ, разсказывалъ о Биронѣ и Тайной канцеляріи, опираясь на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ ему фельдмаршалъ Минихъ. Леонъ сознавалъ вліяніе, какое имѣла на его характеръ бесѣда этихъ—какъ онъ называлъ ихъ—«достойныхъ матадоровъ провинціи: отъ нихъ онъ заимствовалъ русское дружелюбіе, отъ нихъ набрался духу русскаго и благородной дворянской гордости,—этого чувства своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ». — Зная образъ мыслей и дѣйствій Карамзина, мы не можемъ сомнѣваться, что здѣсь онъ самъ о себѣ говоритъ разсказывая о Леонѣ.

Первую идею «Рыцаря нашего времени» могла заронить въ душу Карамзина книга, которой начало появилось за мѣсколько лѣтъ до его путешествія и которая произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ «Писемъ русскаго путешественника», написанныхъ имъ по поводу посѣщенія знаменитаго въ то время берлинскаго профессора Филиппа Морица: «Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, *весьма любопытную психологическую книгу*, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли, чувства и развитіе душевныхъ своихъ способностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stilling's Jugendgeschichte, Anton Reiser предпочитаю я всѣмъ систематическимъ психологіямъ на свѣтѣ» (Соч. Кар., т. II, стр. 84) *).

14) Предисловіе къ 2-й книжкѣ Аонидъ.

15) Объ этой меланхоліи во многихъ мѣстахъ сочиненій и писемъ Карамзина.

16) Соч. Кар., т. III, «Что нужно автору?» стр. 371.

17) Еще не довольно было обращено вниманія на полезную сторону такъ называемой сентиментальности Карамзина, именно на благотворное вліяніе, какое онъ именно этимъ характеромъ своихъ сочиненій могъ имѣть на смягченіе нравовъ современнаго ему русскаго общества. Кто пролагаетъ, въ чемъ бы ни было, новый путь,

---

*) Въ Моск. Журн. (ч. II, стр. 42) вмѣсто «*любопытную*» было сказано «*интересную*». Полное заглавіе книги: «Anton Reiser. Ein psychologischer Roman». (Berlin) 1-я часть вышла 1785, 5-я и послѣдняя — 1794 г., уже послѣ смерти автора († 1793).

легко вдается въ крайность, и иногда это даже нужно для его успѣха. Ср. предисловіе г. Порошина къ «Lettres d'un voyageur russe» и проч. Paris, 1867, стр. XVII.

18) Соч. Кар., т. III, «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», стр. 361.

Оплакивая своего друга, Карамзинъ между прочимъ спрашивалъ себя, за что покойный полюбилъ его, и такъ рѣшалъ этотъ вопросъ: «Что онъ полюбилъ во мнѣ — не знаю: можетъ быть, пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства». Эти слова любопытны, какъ выраженіе самосознанія Карамзина. Замѣчательно, что хотя онъ не оставилъ никакихъ автобіографическихъ записокъ, хотя даже любилъ уничтожать все, что могло бы удовлетворить любопытству потомства въ отношеніи къ нему, однакожъ никто полнѣе его не высказался въ своихъ сочиненіяхъ. Стоитъ только внимательно прочесть ихъ, чтобы проникнуть во всѣ изгибы его сердца и узнать даже многія подробности его жизни, которыя онъ сообщаетъ при случаѣ; невольно припоминаешь собственныя его слова: «Творецъ всегда изображается въ твореніи, часто противъ воли своей» (Соч. Карамзина, т. III, стр. 370). Кратковременныя сношенія съ Петровымъ были для развитія Карамзина гораздо важнѣе многолѣтней связи его съ Дмитріевымъ, котораго онъ продолжалъ любить по привязчивости своего сердца, но которому во многомъ не могъ сочувствовать.

19) «Русскій Архивъ» 1863, стр. 473—486, и 1866, стр. 1756—1763.

20) См. «Письма» къ Дмитріеву, стр. 35.

21) Карамзинъ уничтожалъ всѣ частныя письма, которыя получалъ.

22) По свидѣтельству М. А. Дмитріева, Карамзинъ при немъ разсказывалъ, что оставилъ Общество Новикова, не найдя той цѣли, которой ожидалъ («Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 35). Впослѣдствіи (въ 1810 г.) онъ писалъ къ А. И. Тургеневу: «Въ Твери видѣлъ я Феслера и говорилъ съ нимъ о метафизикѣ, мистикѣ, масонствѣ, и проч. Онъ напомнилъ мнѣ старину. Все слова, а мало дѣла» (Москвитянинъ 1855, № 23 и 24, стр. 186). К. С. Сербиновичъ также свидѣтельствуетъ: «Онъ узналъ нелѣпость ученія мартинистовъ, новиковскихъ мистиковъ, и оставилъ ихъ общество» (Рукопись). Кстати приведу здѣсь изъ того же источника разсказъ

объ оставленіи Карамзинымъ военной службы. Во время пребыванія его въ полку, когда наступили военныя обстоятельства, онъ желалъ быть посланнымъ въ дѣйствующую армію; но полковой секретарь, отъ котораго зависѣло это назначеніе, былъ взяточникъ и выбиралъ богатыхъ людей, а Карамзину (у котораго тогда было 100 рублей) отказалъ: Карамзинъ, разочаровавшись въ военной службѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика.

23) Цѣль путешествія Карамзина видна изъ слѣдующихъ двухъ мѣстъ его Писемъ: «Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ я для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми образами, буду жить въ мирѣ съ Натурою» и проч. (Моск. Журналъ 1791, августъ стр. 174) *). — «Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались» (тамъ же, стр. 172). Въ «Цвѣткѣ на гробъ моего Агатона» Карамзинъ говоритъ, что желаніе видѣть природу, видѣть тѣхъ великихъ мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на его чувства, превратилось въ совершенную страсть» (Соч. Кар. т. III, стр. 363).

24) Соч. Кар., т. II, стр. 27.

25) «Предувѣдомленіе» передъ 1-й книжкой Московскаго Журнала. — Приведенныя слова чуть не сдѣлались поводомъ къ размолвкѣ между обоими писателями. Державинъ отвѣчалъ, что нѣкоторые недовольны похвалами, которыми Карамзинъ превозносилъ въ своемъ объявленіи пѣвца Фелицы, и что онъ, Державинъ, уже не можетъ, по желанію Карамзина, предлагать другимъ подписываться на журналъ, потому что въ такомъ случаѣ ему, пожалуй, припишутъ изданіе его. На это Карамзинъ возразилъ: «Я сихъ господъ не понимаю... Я сказалъ только: *кто не знаетъ пѣвца Фелицы?* Правда, въ семъ вопросѣ есть похвала; я полагаю, что сей пѣвецъ извѣстенъ всѣмъ, читающимъ русскіе стихи... Гдѣ тутъ излишняя похвала?... Мнѣ сдѣлаютъ много чести, если и по выходѣ первой книжки моего Журнала скажутъ, что вы его издаете. Между тѣмъ конечно нельзя вамъ собирать Субскрибентовъ, когда такъ говорятъ... Журналъ мой уже печатается: въ сей 1-й книжкѣ

---

*) Впослѣдствіи это мѣсто нѣсколько измѣнено Карамзинымъ: вмѣсто «для того» сказано: «единственно для того» и вмѣсто «образами» — «идеями». См. Соч. Кар., т. II, стр. 149.

помѣщено *Видѣніе Мурзы*. Пожалуйте, не оставляйте меня и впредь... Я надѣюсь на васъ, надѣюсь на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу любовь къ Литературѣ». (Изъ автографа Карамзина).

26) Въ концѣ 1791 года Карамзинъ, обращаясь къ читателямъ, Московскаго Журнала, сказалъ между прочимъ: «Постараюсь, чтобы содержаніе Журнала было какъ можно разнообразнѣе и занимательнѣе» (ноябрская книжка, стр. 247).

27) Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ Мартынова за 1804 годъ (№ 8, стр. 141) было напечатано «Разсмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ: *Московскій Журналъ*, изданный на 1791 и 1792 годъ Н. М. Карамзинымъ». Это, впрочемъ не совсѣмъ полное разсмотрѣніе, отзывается нѣкоторымъ нерасположеніемъ къ автору разбираемыхъ рецензій

28) Моск. Журн., ч. III, августъ 1791.

29) Тамъ же, ч. IV, октябрь.

30) Тамъ же, ч. II, іюнь.

31) Тамъ же, ч. V, февраль 1792.

32) Соч. Кар., т. I, стр. 210.

33) «Письма русск. путеш.», письмо 1-е.

34) Моск. Журн. ч. VI, іюнь, и ч. VIII, декабрь 1792.

35) «Отъ Издателя къ Читателямъ» въ концѣ ноябрской книжки 1791.

36) Въ «Невинности» (Моск. Журн., ч. II, апрѣль 1791), въ «Райской птичкѣ» (тамъ же, ч. III, августъ 1791), въ «Ліодорѣ» (тамъ же, ч. V, мартъ 1792).

37) Соч. Кар., т. I, «Пантеонъ русскихъ авторовъ», стр. 577.

38) Тамъ же, т. III, «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ», стр. 528.

Въ чемъ Карамзинъ полагалъ задачу поэзіи, выражено имъ нѣсколько разъ въ стихахъ его. Въ одной пьесѣ *) онъ называетъ поэта «искуснымъ лжецомъ»; въ другой же разъ говоритъ:

«Не истина, но блескъ въ поэтѣ совершенство,
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелицемѣрный,
Которымъ говорятъ правдивыя сердца» **).

---

*) «Къ бѣдному поэту» (Соч. Кар., т. I, стр. 66).

**) «Къ Эмиліи» (тамъ же, стр. 225).

Но значитъ ли это, что Карамзинъ задачею искусства считалъ ложь, а не истину? Конечно, онъ хотѣлъ только сказать, что поэзія должна производить очарованіе, что вымыселъ долженъ являться намъ истиной, и въ этомъ полагалъ онъ обманъ, или ложь поэзіи.

Въ разсужденіи взглядовъ Карамзина на эту область творчества, стоитъ замѣтить, что онъ самымъ древнимъ родомъ поэзіи считалъ элегію. «Я думаю, что первое піитическое твореніе было ни что иное, какъ изліяніе томно-горестнаго сердца... Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена». (Развитіе этой мысли см. въ его Соч., т. III, стр. 380).

39) Въ числѣ новыхъ словъ, составленныхъ Карамзинымъ, упомянемъ два: 1) *достижимая* цѣль (Моск. Журн., ч. IV, стр. 310, и Соч. Кар., т. II, стр. 243), съ примѣчаніемъ: «т. е. до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить сіе слово», и 2) *промышленность*, съ примѣчаніемъ: «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?» (Моск. Журн., ч. III, стр. 298). Впослѣдствіи при этомъ словѣ замѣчено: «Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: авторъ употребилъ его первый» (Соч. Кар., т. II, стр. 168).

40) Соч. Кар., т. III, стр. 600.

41) «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву», стр. 97, 99 и 104. Графъ Блудовъ разсказывалъ мнѣ, что еще и по изданію Вѣстника Европы Карамзинъ имѣлъ непріятности отъ цензуры. Журналъ цензировался въ корректурныхъ листахъ. «Марѳа Посадница» (въ началѣ 1803 года) испугала Прокоповича-Антонскаго, который увидѣлъ въ этой повѣсти воззваніе къ бунту и объявилъ, что не можетъ пропустить ее. Карамзинъ былъ очень горячъ: онъ тотчасъ поѣхалъ къ одному изъ кураторовъ Московскаго университета, Коваленскому, и объявилъ, что если запрещеніе состоится, то онъ не останется въ Россіи. Тотъ отвѣчалъ, что онъ можетъ жаловаться министру. Тогда Карамзинъ, написавъ письмо на имя Заводовскаго, отправилъ его къ Коваленскому, но получилъ пакетъ обратно нераспечатаннымъ, съ отзывомъ куратора, что дѣло можно и такъ уладить, если Карамзинъ смягчитъ въ повѣсти нѣкоторыя выраженія. Карамзинъ согласился; однакожъ едва ли не огорчился тѣмъ, что вмѣсто слова *вольность* кое-гдѣ поставилъ *свобода*. Цензоръ удовлетворился, замѣтивъ, что еще бы лучше было, еслибъ Марѳа въ концѣ повѣсти изъявила раскаяніе. Карамзинъ и помѣстилъ-было тамъ фразу, что въ глазахъ Марѳы появились слезы,

которыя можно было принять за слезы раскаянія! (однакожъ, въ самомъ дѣлѣ повѣсть кончается словами: «Они шли за нимъ» — граждане за колоколомъ — «съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего», послѣ чего слѣдуютъ три строки точекъ). Карамзинъ, разсказывая это, прибавлялъ, что онъ былъ очень радъ такой развязкѣ, потому что ему вовсе не хотѣлось покидать Россіи.

42) Обо всемъ, что здѣсь относится къ царствованію Павла, см. «Письма Карамзина къ Дмитріеву».

43) Тамъ же, стр. 115.

44) Соч. Державина, изд. Акад. Наукъ, т. II, стр. 355.

45) Моск. Вѣд. 1801, № 92, и Объявленіе о продолженіи журнала въ 1803 году (В. Е., ноябрь 1802, № 22).

46) В. Е., 1803, № 17. Письмо подписано: Лука Еремеевъ.

47) Вотъ замѣчательное мнѣніе Сегюра о вредѣ крѣпостнаго состоянія: «...la cause réelle de cette lenteur de la civilisation est l'esclavage du peuple: l'homme serf qu'aucune fierté ne soutient, qu'aucun amour-propre n'excite, abaissé presque au rang des animaux, ne connaît que les besoins physiques et bornés; il n'élève pas ses désirs au-delà de ce qui est strictement nécessaire pour soutenir sa triste existence et pour payer à son maître le tribut qui lui est imposé (Mémoires etc. du comte de Ségur, Paris, 1843, стр. 141).

48) В. Е. 1802, № 12. «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (съ подписью: Р. О.).

49) См. примѣч. 46.

50) Записка о древней и новой Россіи.

51) См. Дѣло Радищева въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1865, кн. III.

52) Вотъ первоначальный текстъ этого мѣста, которымъ заключается статья «О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ» (О. О.): «Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-надесять вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства» (Вѣстникъ Европы 1802, № 24). Позднѣе послѣднія слова измѣнены Карамзинымъ такъ: «къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства» (Соч. т. III, стр. 566).

53) В. Е. 1803, № 5, «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи».

54) Тамъ же. Ср. Соч. Кар. т. I, стр. 361, въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» замѣчаніе о народныхъ училищахъ.

55) См. примѣч. 46.

56) В. Е. 1802, № 4: «О любви къ отечеству и народной гордости» (У. О.), и № 14: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» (Ф. Ц.). Жалѣя, что наши дворяне не поступаютъ на профессорскія каѳедры, Карамзинъ говоритъ: «Я душевно обрадовался бы первому феномену въ семъ родѣ». Вслѣдствіе этого замѣчанія, въ Вѣстникъ Европы (1803, № 11: «Дворянинъ-профессоръ въ Россіи»), черезъ нѣсколько времени прислано было заявленіе, что у насъ есть одинъ дворянинъ-профессоръ, именно Григорій Глинка, по каѳедрѣ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ. Карамзинъ всегда питалъ искреннее уваженіе къ ученому званію, которое онъ называлъ благороднымъ, и старался привлекать способныхъ людей къ педагогическому поприщу, даже въ самой скромной области его, доказывая почетное значеніе народнаго учителя въ «кругу своемъ, гдѣ не онъ имѣетъ надобность въ другихъ, а другіе въ немъ», такъ что онъ «можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ». (В. Е. 1802, № 14: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ»).

57) В. Е. 1802, № 8: «О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи». Этой статьи, названной «Письмо изъ Т.*» и подписанной «NN», нѣтъ въ собраніи сочиненій Карамзина; но она очевидно принадлежитъ его же перу. Хотя большая часть высказанныхъ въ ней мыслей и повторяется въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Карамзина, однакожъ эта статья особенно любопытна какъ первое выраженіе взгляда его на учрежденія Императора Александра по народному образованію.

58) В. Е. 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей» (Ц. Ц.).

59) См. примѣч. 48.

60) В. Е. 1802, № 2: «Странность» (О О.).

61) Тамъ же, № 8: «О новыхъ благородныхъ училищахъ».

62) Тамъ же, № 4: «О любви къ отечеству» и пр.

63) См. примѣч. 52.

64) См. примѣч. 53.

65) Аглая, кн. II «Филалетъ къ Мелодору», и В. Е. 1802, № 24: «О случаяхъ и характерахъ въ Росс. Исторіи» и проч.

66) В. Е. 1803, № 9, въ «Извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ», говоря о появленіи Вегаба въ Аравіи, Карамзинъ замѣчаетъ: Внутреннее безсиліе тамошняго *(константинопольскаго)* правительства должно ускорить паденіе огромнаго Турецкаго колосса. Оно кажется необходимымъ и близкимъ, произведетъ важную революцію въ мірѣ, и будетъ имѣть великія слѣдствія для человѣчества. Турецкая Исторія служитъ новымъ доказатетьствомъ истины, что великія Имперіи, основанныя на завоеваніяхъ, должны или просвѣтиться, или безпрестанно побѣждать: иначе паденіе ихъ неминуемо» (стр. 69).— Въ томъ же году, № 12, въ статьѣ подъ тою же рубрикою замѣчено: «Кто могъ вообразить въ 16 или въ 17 вѣкѣ, что со временемъ Христіянскія Державы будутъ дружески заботиться о цѣлости Турецкой Имперіи? Вотъ торжество великодушія или Политики!» (стр. 511).

67) Мы видѣли, что при изданіи Московскаго Журнала Карамзинъ выражалъ свое убѣжденіе въ пользѣ критики и въ доказательство ссылался на успѣхи нѣмецкой литературы (см. выше примѣч. 31). Въ программѣ Вѣстника Европы онъ также обѣщалъ критику. Между тѣмъ въ первомъ же нумерѣ новаго журнала онъ, въ формѣ безыменнаго письма къ издателю, высказался противъ критики и между прочимъ замѣтилъ: «Глупая книга небольшое зло въ свѣтѣ: у насъ же такъ мало авторовъ, что не стоитъ труда и пугать ихъ. Но если выдетъ нѣчто изрядное, для чего не похвалить? Самая умѣренная похвала бываетъ часто великимъ одобреніемъ для юнаго таланта». Еще рѣшительнѣе выразилъ Карамзинъ подобныя мысли въ концѣ перваго года изданія Вѣстника Европы. — То, что имъ сдѣлано внѣ области критики, такъ многозначительно, что потомство не можетъ слишкомъ строго судить его за отсутствіе этого элемента въ его журналѣ; а успѣхъ молодыхъ писателей, которые вскорѣ явились на его сторонѣ и доставили ему рѣшительную побѣду надъ противниками, еще болѣе оправдываетъ его.

Впрочемъ, уклоняясь отъ критики, Карамзинъ въ Вѣстникѣ Европы ясно высказываетъ иногда свое мнѣніе о нѣкоторыхъ явленіяхъ литературы, хотя никого не называетъ. Его статьи: «О грамматикѣ Француза Модрю» и о русскомъ пансіонѣ въ Парижѣ:

«Странность» (В. Е., 1802, № 2, и 1803, № 15) показываютъ, что онъ не лишенъ былъ способности къ остроумной и колкой критикѣ.

68) Въ статьѣ «о должности журналистовъ» (1754 г.) Ломоносовъ замѣтилъ между прочимъ: «Журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса» (Un Journaliste sçavant, pénétrant, équitable et modeste, est devenu une espèce de Phénix). «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ», изд. А. Куникомъ, ч. II, стр. 516 и 520.

69) Не получивъ ученаго образованія, Карамзинъ смолоду отличался однакожъ любовью и уваженіемъ къ наукѣ, хотя долго считалъ своимъ призваніемъ изящную литературу и поэзію. Когда Платнеръ, въ Лейпцигѣ, спросилъ его: «Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?» русскій путешественникъ отвѣчалъ: «Изящнымъ» *). Но изъ писемъ его видно, что въ числѣ извѣстныхъ ему уже въ то время писателей были историки, лѣтописцы, философы: онъ уже зналъ Брантома, Фруассара, Мабли, Архенгольца, Юма, Іоанна Мюллера, Канта. «Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія», говорилъ онъ, «видя, какъ науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и на югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ и уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ мизософы, а науки—святое дѣло». (Соч. Кар., т. II, стр. 524). Онъ же впослѣдствіи, выражая желаніе видѣть русскихъ профессоровъ изъ дворянъ, восклицалъ: «Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ дѣлъ?» (Вѣстн. Евр. 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей». Около того же времени онъ замѣтилъ: «Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи» (тамъ же, 1802, № 16 «Историч. воспом. на пути къ Троицѣ».

70) Извлеченіе изъ рукописей покойнаго профессора Барсова (ум. 21 янв. 1792 г. **) было напечатано подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій россійскихъ». Авторъ совѣтуетъ составить подробные списки какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ источниковъ, и разсуждаетъ

*) При этомъ словѣ онъ «закраснѣлся», какъ сознается въ письмѣ отъ 15 іюля 1789,—прибавляя: «знаю, отъ чего—можетъ быть, и вы, друзья мои, знаете». Припомнимъ, что по-нѣмецки онъ долженъ былъ сказать: «den Schonen». Въ Московскомъ Журналѣ объяснено было въ выноскѣ: «Пріятель мой подъ изящными науками разумѣетъ les belles lettres».

**) Не 1791, какъ у Евгенія, Греча и въ Словарѣ Моск. профессоровъ.

о предѣлахъ самой исторіи. Особенно любопытно слѣдующее его замѣчаніе: «Такой сколько можно полный сводъ составитъ матерію порядочной и довольно полной исторіи; но самое сіе собираніе и сличеніе суровья *(матеріала)*, тѣмъ паче самая исторія не иначе какъ собраніемъ нѣсколькихъ ученыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей произведена быть можетъ въ дѣйство, при надлежащихъ пособіяхъ и награжденіяхъ, чего удобнѣе желать можно, нежели надѣяться» (Моск. журн. 1792, ч. VII, сент., стр. 344).

71) Соч. Кар., т. III, стр. 687.

72) Въ статьѣ: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» (В. Е. 1802, № 14) Карамзинъ сказалъ: «Надобно заглядывать въ общество... но жить въ кабинетѣ». Эта мысль сдѣлалась закономъ всей остальной его жизни. При всемъ его трудолюбіи и прилежаніи, при всемъ его талантѣ, почти непонятно, какъ онъ могъ употребить только 12 лѣтъ (1804—1815) на сочиненіе первыхъ восьми томовъ своей Исторіи. Надобно принять въ разсчетъ домашнія тревоги его, хлопоты по случаю кончины тестя (1807), частыя болѣзни, наконецъ нашествіе непріятеля, которое, заставивъ его покинуть Москву, на долгое время совершенно прервало его занятія. Замѣтимъ мимоходомъ, что никто не понималъ такъ, какъ Карамзинъ, великой истины, что въ самомъ трудѣ заключается высшая его награда (см. его академическую рѣчь 1818 г.), никто не былъ такъ способенъ искать въ трудѣ только его совершенства, никто не имѣлъ столько душевной силы для труда неутомимаго.

73) «Письма» Кар. къ Дм., стр. 235, 096 и слѣд.

74) Прежде всего Исторію Государства Россійскаго перевели на французскій языкъ St. Thomas и Jauffret: они работали сперва каждый самъ по себѣ, а потомъ вмѣстѣ («Письма» Кар. къ Дм., 0115). На нѣмецкій языкъ переводилъ Исторію Карамзина директоръ царскосельскаго лицейскаго пансіона, Гауэншильдъ. Въ 1821 г., весной, исторіографъ получилъ изъ Венеціи три первые тома своего труда, переведенные съ французскаго на итальянскій языкъ Москини и Гамбой. 1 января 1824 г. онъ подарилъ К. С. Сербиновичу польскій переводъ, присланный къ нему изъ Варшавы переводчикомъ Григоріемъ Бучинскимъ. 19 января того же года Карамзинъ ждалъ къ себѣ Шредера, нѣмецкаго переводчика IX тома. Во Франціи IX и X томы переводилъ Auger съ помощію Дивова (Воспоминанія г. Сербиновича). Коцебу также намѣревался перевести Исторію Государства Россійскаго («Письма» къ Дм., стр. 249).

75) «Неизд. соч.» Карамзина, стр. 166.

76) Götting. gelehrte Anzeigen 1822, т. II, № 133 и 134, стр. 1321. Ср. «Письма» Кар. къ Дм., стр. 0151.

77) Moniteur Universel 1820, 1 ноября, № 306. Статья оттуда перепечатана въ «Письмахъ» Кар. къ Дмитріеву, стр. 0138.

78) «Письма» Кар. къ Дм., стр. 299.

79) Насчетъ происхожденія «Записки о древней и новой Россіи» извѣстно мнѣ, частію изъ разсказовъ графа Блудова *), слѣдующее: Послѣ продолжительнаго разговора съ Карамзинымъ о положеніи дѣлъ въ Россіи, Екатерина Павловна просила его развить тѣ же мысли письменно. Это было, вѣроятно, въ ноябрѣ 1810 г., когда исторіографъ въ первый разъ посѣтилъ великую княгиню въ Твери («Неизд. соч.», стр. 88). Уже 14 декабря того же года она пишетъ къ нему: «жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ*». Въ первой половинѣ февраля 1811 г. онъ отвезъ въ Тверь эту записку, писанную рукой жены его, которая, никогда съ нимъ не разставаясь, и теперь сопровождала его. Екатерина Павловна стала читать рукопись вмѣстѣ съ нимъ и много бесѣдовала о каждомъ предметѣ. Послѣ нѣсколькихъ чтеній Карамзинъ далъ ей почувствовать, что если они будутъ такъ продолжаться, то на это потребуется слишкомъ много времени. Тогда дѣло было ускорено и, по окончаніи чтенія, великая княгиня спрятала тетрадь въ свое бюро (Карамзинъ, разсказывая о томъ послѣ, вспоминалъ, какъ при этомъ щелкнулъ замокъ). Онъ остался въ восторгѣ отъ тогдашняго своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Твери (см. письмо отъ 19 февр. въ перепискѣ съ Дмитріевымъ). Государя ждали туда къ 14 марта; къ этому времени Екатерина Павловна пригласила туда и исторіографа. Обыкновенно думаютъ, что Карамзинъ, бывъ здѣсь представленъ Александру, *читалъ* ему свою записку. Это — недоразумѣніе: читана была только Исторія. Записка же была передана императору великою княгиней 18 марта, наканунѣ его отъѣзда. На другой день онъ обошелся съ исторіографомъ холодно, не говорилъ съ нимъ ни слова, какъ-будто не замѣчалъ его, и уѣхалъ не простившись съ Карамзинымъ. Это несогласно съ письмомъ послѣдняго къ Дмитріеву, отъ 20 марта; но понятно, что Карамзинъ, не считая себя въ правѣ говорить кому

*) Объ этомъ я слышалъ отъ него 12 декабря 1860 года, и сообщаю нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у г. Погодина.

бы ни было о запискѣ, не могъ говорить и о произведенномъ ею дѣйствіи: все то, что онъ пишетъ къ своему другу, могло предшествовать послѣдней встрѣчѣ съ государемъ. Уѣзжая и самъ 22 марта, онъ рѣшился попросить у великой княгини своей записки, но услышалъ, что она въ хорошихъ рукахъ (le manuscrit est en bonnes mains)... Когда Карамзинъ, находясь въ Петербургѣ, въ 1816 г., получилъ ленту, то онъ писалъ къ женѣ, что государь пожаловалъ ему эту награду *самымъ пріятнѣйшимъ образомъ*. Разсказъ графа Блудова объясняетъ эти слова: государь, наградивъ Карамзина, замѣтилъ ему съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту не за *Исторію*, а за *Записку*. Аракчееву, какъ врагу Сперанскаго, прибавлялъ графъ, не трудно было примирить Александра съ Карамзинымъ, который въ запискѣ своей осуждалъ Сперанскаго. При паденіи послѣдняго, исторіографъ говорилъ въ пользу его; но императоръ горько отозвался о нравственномъ достоинствѣ опальнаго.

Карамзинъ былъ такъ совѣстливъ и деликатенъ, что не оставилъ у себя копіи съ записки. До самой смерти своей онъ не зналъ, куда она дѣвалась; государь никогда не говорилъ о ней, да и самъ Карамзинъ не позволялъ себѣ упоминать объ этомъ дѣлѣ, даже въ разговорѣ съ самыми близкими. Только по кончинѣ Александра Павловича, онъ просилъ Блудова и Дашкова поискать записки между бумагами императора, которыя имъ поручено было разобрать. Но они ея не нашли: попавшаяся имъ рукопись, которую они приняли-было за сочиненіе Карамзина, была записка Радищева объ улучшеніи законодательства, — та самая, по поводу которой онъ отравился *).

Графъ Блудовъ думалъ, что впослѣдствіи записка Карамзина отыскалась въ бумагахъ Аракчеева, потому, что она сдѣлалась извѣстною вскорѣ послѣ смерти этого временщика. Но по другому свидѣтельству (Греча), она распространилась изъ рукъ покойнаго Борна, бывшаго секретаремъ великой княгини Екатерины Павловны, или учителемъ дѣтей ея.

Записка напечатана, хотя не совсѣмъ исправно, въ Берлинѣ 1861 г.

80) Противное этому мнѣніе, по которому записка Карамзина

*) Государь передалъ эту записку въ коммиссію составленія законовъ. Предсѣдатель, князь П. В. Лопухинъ, прочитавъ ее, спросилъ у Радищева: «Неужели ты опять хочешь попасть въ Сибирь?» Испуганный Радищевъ принялъ яду.

не болѣе «какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя», см. въ соч. барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», т. I, стр. 143.

81) См. въ «Русск. Архивѣ» 1864, № 7 и 8, стр. 868 и 869, библіографическую замѣтку г. Лонгинова.

82) Вотъ что Карамзинъ писалъ въ 1815 году къ Екатеринѣ Павловнѣ о своихъ историческихъ занятіяхъ (перевожу, какъ можно ближе, съ французскаго подлинника):

«Вы приглашаете меня быть историкомъ нашего времени: въ порывѣ энтузіазма, возбужденнаго великими событіями, я самъ имѣлъ эту мысль; но, обдумавъ дѣло, нашелъ, что оно представляетъ много трудностей. Исторія, скромная и важная, любитъ безмолвіе страстей и могилъ, отдаленность и сумерки, и изъ всѣхъ грамматическихъ временъ ей всего болѣе сродно *прошедшее совершенное* (le prétérit parfait). Живое движеніе, шумъ настоящаго, близость предметовъ и слишкомъ яркое ихъ освѣщеніе смущаютъ ее; то, что воспламеняетъ поэта, оратора, мѣшаетъ историку, у котораго всегда на языкѣ слово *но*. Къ тому же, станетъ ли у меня духу покинуть древнихъ героевъ моихъ, забытыхъ неблагодарнымъ свѣтомъ, чтобы гоняться за героями новыми, которыхъ лавры еще такъ лучезарны и подвиги такъ громки? Ибо надлежало бы оставить въ сторонѣ мою *Исторію Россіи*: вѣка моего не станетъ, чтобы довести ее до нашихъ дней. Знаете ли Вы, какъ мало я еще подвинулся? Меня занимаетъ Іоаннъ Грозный, этотъ изумительный феноменъ между величайшими и самыми дурными монархами. Боже, какой предметъ! Онъ стоитъ Наполеона. Поверженный въ уныніе ужасами этого царствованія, духъ мой ободряется при видѣ мужа добродѣтельнаго, который для спасенія отечества, становится между нимъ и тираномъ; онъ падаетъ жертвою ярости злодѣя, но заслуживъ напередъ удивленіе вѣковъ. Имя этого великаго человѣка (Адашева) было почти вовсе неизвѣстно у насъ: сердце мое ощущаетъ особенную отраду при такихъ открытіяхъ. Я не покидаю мысли ѣхать въ Петербургъ и тамъ напечатать свою Исторію, только что Государь возвратится. Смѣю надѣяться на Ваше покровительство въ этомъ случаѣ». («Неизданныя сочиненія», стр. 118 и слѣд.).

83) Соч. Кар. т. III, стр. 700 и 701.

84) «Письма» къ Дмитріеву, стр. 316.

85) Вѣстн. Европы 1802, № 8, «О новыхъ благородныхъ училищахъ».

86) Тамъ же 1803, № 5, «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи».

87) Соч. Кар. т. I, стр. 365. Въ чрезвычайномъ собраніи Россійской Академіи 5 іюня 1801 года новый президентъ ея, Нартовъ, предложилъ между прочимъ «пригласить упражняющихся въ Россійской словесности къ сочиненію похвальнаго слова Императрицѣ Екатеринѣ Великой, яко виновницѣ славы, величія и благоденствія, коими наслаждается отечество наше, яко щедрой покровительницѣ наукъ и художествъ и яко основательницѣ Академіи Россійской», о чемъ тогда же объявлено было въ Вѣдомостяхъ. Вслѣдствіе того, 22 марта 1802 г., членъ Академіи, сенаторъ И. С. Захаровъ читалъ въ собраніи написанное имъ похвальное слово Екатеринѣ II.

Хотя Карамзинъ и не представилъ въ Академію своего сочиненія на тотъ же предметъ, однакожъ оно, вѣроятно, было предпринято имъ также по поводу помянутаго вызова. Его Похвальное слово Екатеринѣ было напечатано въ началѣ 1802 года, какъ видно изъ «Писемъ» его къ Дмитріеву (см. стр. 123 и 124).

Сочиненіе это, не менѣе другихъ трудовъ Карамзина, важно для психологическаго изученія его. Справедливость, отдаваемая имъ великой женщинѣ,—одно изъ самыхъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ его высокаго безпристрастія, незлобія и скромности: онъ какъ будто и не замѣтилъ того равнодушія и невниманія, съ какимъ его многозначительная литературная дѣятельность была встрѣчена покровительницею просвѣщенія и талантовъ. «Я зрѣлъ», говоритъ онъ, «лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе» и т. д. (Соч. Кар. т. I, стр. 279 и 365). Любопытенъ въ «Похвальномъ словѣ» отзывъ Карамзина о русской литературѣ при Екатеринѣ II: «Но сіи два поэта» (Ломоносовъ и Сумароковъ) «не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли *ясно для ума*, *пріятно для слуха*, и *вкусъ* сдѣлался *общимъ*» (тамъ же, стр. 363), Карамзинъ, при этихъ словахъ, кажется, имѣлъ въ виду и свое собственное участіе въ такомъ успѣхѣ литературы. Нельзя также не обратить вниманія на слѣдующія строки, по отношенію ихъ ко взгляду Карамзина на готовившіяся реформы новаго царствованія: «Самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа... Самое пламенное желаніе осчастливить народъ мо-

жетъ родить бѣдствія, если оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія» (тамъ же, стр. 370).

88) «Неизд. Соч.» Кар. стр. 35, 170, 179. «Письма» къ Дм., стр. 285, 312, 316. — Соч. Кар. т. III, стр. 733.

89) «Неизд. Соч.», стр. 3: «Мнѣніе русскаго гражданина».

90) Слышано отъ родныхъ историіографа.

91) «Неизд. Соч.», стр. 37 — 85.

92) «Письма» къ Дм., стр. 265.

93) Тамъ же, стр. 376, 382, 392.

94) Тамъ же, стр. 290.

95) Тамъ же, стр. 245.

96) «Неизд. Соч.» Кар., стр. 144 и 148.

97) «Письма» къ Дм., стр. 261.

98) Тамъ же, стр. 279 и 0120.

99) «Лафатеръ», писалъ онъ изъ Цюриха, «давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости, и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великій человѣкъ». (Соч. Кар., т. II, стр. 232).

100) Соч. Кар., т. III, стр. 704.

101) «Письма» къ Дм., стр. 276.

102) «Знаешь ли, что бы могло привязать меня къ Петербургу (между нами будь сказано)? Случай дѣлать иногда добро людямъ; но это очень невѣрно, и колетъ инымъ глаза; я же (видитъ Богъ) не хвастунъ, и въ самомъ добрѣ не люблю кривой дороги. Allons donc planter nos choux» («Письма» къ Дм., стр. 260).

103) Тамъ же, стр. 153.

104) Мысль, что въ смерти нѣтъ ничего страшнаго, Карамзинъ началъ высказывать еще въ молодости: см. въ «Письмахъ русскаго путешественника» мѣсто, начинающееся словами: «Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы» (Соч. Кар., т. II, стр. 204; ср. тамъ же стр. 188 и еще выше, стр. 30, слова Канта: «Я утѣшаюсь, что мнѣ уже 60 лѣтъ и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую»).

105) «Письма» къ Дм., стр. 409.

106) «Вы любимы и любите: живите же какъ можно долѣе: то

есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ Небо! Чѣмъ долговременнѣе служба, тѣмъ болѣе и награды» (Письмо Карамз. къ Имп. Елисаветѣ Алексѣевнѣ отъ 13 янв. 1825, «Неизд. соч.» стр. 65). См. тамъ же отвѣтъ Императрицы и далѣе слова Карамзина: «Да исполнитъ Богъ мою молитву объ Васъ, а я радъ исполнить Ваше милостивое приказаніе, и жить, пока Ему угодно».

107) «Неизд. соч.», стр. 151, 153, 156, 160, 165, 170, 179.

108) «Стихотворенія» Жуковскаго, т. IV, стр. 137. Въ оглавленіи это посланіе невѣрно отнесено къ 1822 году; оно написано въ 1831.

109) Тамъ же, т. VII, стр. 347. (Письмо это переведено Жуковскимъ съ французскаго подлинника).

Настоящій «Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина» былъ напечатанъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1866 года, № 323 и 324, съ значительнымъ сокращеніемъ первой половины его, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ читанъ въ Академіи.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 11.

ОТЧЕТЪ

ПО

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1866 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, октябрь 1867 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1866 годъ.

читанный въ годичномъ собраніи ея 29-го декабря, академикомъ А. В. Никитенко.

Приступая къ обозрѣнію дѣйствій Отдѣленія Русскаго языка и Словесности за истекающій годъ, я не могу не остановить на нѣсколько минутъ благосклоннаго вниманія вашего, мм. гг., на недавнемъ достопамятномъ событіи, въ которомъ и вы принимали столь горячее участіе: это — празднованіе, по прошествіи ста лѣтъ, дня рожденія Карамзина. Годъ тому назадъ, въ стѣнахъ этихъ мы воздавали подобную почесть воспоминанія Ломоносову. Замѣчательно сближеніе по времени и по призванію этихъ двухъ великихъ дѣятелей въ исторіи нашего образованія. Въ 1765 году скончался родоначальникъ нашей литературы и ея языка — Ломоносовъ. Вслѣдъ затѣмъ явился тотъ, кому суждено было дать одной характеръ художественной общественной силы и возвести другой на степень, соотвѣтственную этому значенію. Нельзя не видѣть здѣсь тѣсной исторической связи, какая соединяетъ обоихъ знаменитыхъ мужей, стоящихъ во главѣ нашего умственнаго движенія. За Карамзина мы обязаны Ломоносову, такъ-какъ за Ломоносова обязаны Петру. Ломоносовъ, полагая у насъ основаніе наукѣ, литературѣ и научно-литературному языку, дѣй-

ствовалъ не какъ отвлеченный мыслитель, или спеціалистъ, исключительно углубленный въ тайны и интересы школы, а какъ гражданинъ съ истинно русскимъ сердцемъ, воодушевленный глубокимъ сознаніемъ потребностей и духа своей страны. Это составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его генія и вмѣстѣ одно изъ коренныхъ началъ дальнѣйшаго умственнаго нашего развитія, предзнаменовавшихъ, что наука и литература не будутъ и не должны быть у насъ только роскошью, заимствованною у другихъ, какъ могло вначалѣ казаться умамъ недальновиднымъ и поверхностнымъ, а внутреннею необходимостью, главною силой для опредѣленія, установленія и возвеличенія всей нашей гражданственности. Направленіе это вполнѣ наслѣдовалъ другой подобный ему вождь умовъ, Карамзинъ. Общенародность и общепримѣняемость ломоносовскихъ идей, являвшихся еще только какъ-бы въ зародышѣ, онъ сдѣлалъ задачею, достояніемъ, фактомъ нашей литературы и языка и тѣмъ опредѣлилъ отличительный характеръ послѣднихъ и обезпечилъ ихъ успѣхи. Что въ судьбахъ и назначеніи всемірной мысли заключается общечеловѣческаго, то обратилъ онъ для насъ въ наше національное. Мы — народъ обновленный, перерождающійся, и въ этомъ смыслѣ, новый. Мы можемъ сами, по разумному усмотрѣнію, полагать основу многому, что другіе неизбѣжно наслѣдовали, такъ сказать, по прямой линіи отъ своихъ предковъ и предшественниковъ. Тутъ наша выгода и невыгода. Все зависитъ отъ того, какъ мы, говоря общеупотребительными словами, съумѣемъ повести дѣло. Но дѣло образованности нашей, въ общихъ видахъ, съ помощію двухъ геніальныхъ нашихъ людей, выдержавъ сперва, какъ и надлежало, борьбу съ различными превратностями и недоумѣніями, направилось на путь прочнаго и самостоятельнаго воздѣлыванія самыхъ его элементовъ, за что, конечно, мы обязаны столько же имъ, сколько своимъ народнымъ силамъ и завѣтнымъ стремленіямъ. Все, что дѣлается въ человѣческихъ обществахъ, имѣетъ достоинство и цѣну единственно на столько, на сколько оно опредѣляется истинными потребностями людей и на сколько оно согласно съ закона-

ми ихъ жизни, ихъ природы и съ законами вещей. Поэтому привести къ ясному сознанію и эти потребности, и эти законы, укрѣпить ихъ власть не только въ умѣ, но и въ убѣжденіяхъ сердца, составляетъ главную задачу и заслугу науки и литературы. Это — исходный пунктъ образованности всякаго народа, призваннаго къ великой исторической роли. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и уклоненій, весьма естественныхъ и неизбѣжныхъ въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились съ эпохи Петра, дѣло науки и литературы мы не можемъ уже продолжать иначе, какъ въ духѣ Ломоносова и Карамзина, потому что это духъ нашей гражданственности съ ея коренными потребностями, духъ нашей народной мысли, нашихъ преданій, любви къ отечеству и нашей горячей вѣры въ его славную и великую будущность.

Согласимся, что переживаемый нами историческій моментъ не отличается обиліемъ сильныхъ талантовъ ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Но къ неоспоримой заслугѣ нашего времени принадлежитъ то, что трудъ мысли принимаетъ у насъ день-ото-дня характеръ болѣе серьозный, болѣе согласующійся съ требованіями изученія строгаго, неповерхностнаго, и что мы продолжаемъ не безъ усиленнаго рвенія проводить въ науку и литературу то своенародное направленіе, надъ которымъ трудились съ такимъ одушевленіемъ Ломоносовъ и Карамзинъ. Мы воздѣлываемъ и приготовляемъ прочную почву для будущихъ талантовъ, которые изъ нея извлекутъ чистые и здоровые соки для своего процвѣтанія и новаго, плодотворнаго развитія. Въ этомъ отношеніи, мы смѣемъ думать, что и скромные труды нашего Отдѣленія, состоящіе какъ въ пополненіи свѣдѣній нашихъ новыми изысканіями по части отечественнаго языка и словесности, такъ и въ обсуживаніи и оцѣнкѣ разныхъ явленій въ ихъ области, — что и наши труды внесутъ свою долю въ сокровищницу отечественной науки и самопознанія.

Въ первую половину истекающаго года обычныя засѣданія Отдѣленія были посвящены сужденіямъ по разнымъ филологическимъ и литературнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ какъ самими

членами, такъ и нѣкоторыми изъ сторонннхъ лицъ, обращавшихся къ нему со своими изысканіями. Между тѣмъ, приближалось время, когда должно было совершиться столѣтіе со дня рожденія Карамзина. Академія положила ознаменовать этотъ день особеннымъ торжественнымъ собраніемъ, и какъ по характеру дѣятельности и заслугъ нашего знаменитаго исторіографа и писателя, предполагаемый актъ относился преимущественно ко II Отдѣленію, то оно, съ своей стороны, и занялось приготовленіями къ достойному академическому отпразднованію этого дня. Дѣятельное и непосредственное участіе въ приготовленіяхъ принимали и тѣ члены, которые, по занимаемымъ ими должностямъ государственной службы, не могутъ постоянно участвовать въ нашихъ засѣданіяхъ, именно: Авраамъ Сергіевичъ Норовъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Было предположено, между прочимъ, издать, ко дню торжества, письма Карамзина къ другу его, И. И. Дмитріеву, съ которымъ онъ находился въ непрерывныхъ, самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ первыхъ лѣтъ своей юности до самой кончины. Письма эти сохранялись, какъ святыня, у самого Дмитріева, и послѣ его смерти перешли по наслѣдству къ его племяннику, тоже, къ сожалѣнію, недавно скончавшемуся, но успѣвшему еще при жизни передать ихъ въ распоряженіе Отдѣленія. Оно вполнѣ оцѣнило этотъ драгоцѣнный памятникъ. Карамзинъ не оставилъ послѣ себя записокъ о своей внутренней и внѣшней жизни; но его письма въ значительной степени пополняютъ этотъ недостатокъ. Нигдѣ не выражаются съ такою простотою, искренностію и очевидностію самыя глубокія и самыя тонкія черты души его, какъ въ этихъ сердечныхъ изліяніяхъ передъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ и уважалъ во всю свою жизнь, преимущественно передъ всѣми близкими къ нему людьми, кромѣ лицъ своего семейства,—и если кто не имѣлъ случая или возможности изучить нравственную физіономію Карамзина, тому она предстанетъ здѣсь, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Онъ увидитъ, какъ всѣ его внутреннія силы, при ясномъ озареніи истины, въ невозмутимой тишинѣ духа, двигались ровно, гар-

монически настроенныя на одинъ изъ возвышеннѣйшихъ мотивовъ человѣческой природы — *на чувство прекраснаго*. Чувство это достигло въ немъ той степени развитія и широты, гдѣ оно соприкасается со всѣми великими истинами разума, со всѣми велики интересами человѣчества. Оно не ограничивалось у него предѣлами техники, какъ одна изъ силъ спеціальнаго эстетическаго творчества; нѣтъ! оно управляло всѣми его помышленіями, всѣми стремленіями его любящаго сердца, всѣми поступками точно также, какъ и разливало особенную чарующую прелесть, мирность, теплоту и грацію на его творенія. Онъ воздѣлывалъ художнически не одни послѣднія, но всего себя. Вся его личность представляется какъ геніальное созданіе художника, выполненное по превосходно задуманному плану съ необыкновенною тонкостію кисти или рѣзца. Въ чувствѣ прекраснаго выработывался его нравственный, политическій, общественный и семейный характеръ. Оно было для него тѣмъ, чѣмъ предназначено ему быть между образовательными и очеловѣчивающими силами нашей природы — оно было въ немъ добродѣтелью. Доказательства всему этому вы найдете въ идеяхъ, чувствованіяхъ и наклонностяхъ его души, выраженныхъ въ его письмахъ, начиная отъ нѣжныхъ заботъ о всѣхъ близкихъ его сердцу и участія во всѣхъ текущихъ дѣлахъ общества, до возвышеннаго міросозерцанія и горячихъ патріотическихъ стремленій. Тѣмъ же духомъ оживлены и его творенія. Понятно, какимъ образомъ они не были, подобно сочиненіямъ другихъ писателей, только замѣчательными учеными или литературными фактами, а стали живыми двигателями умовъ, силами могущественнѣе и повелительнѣе всякихъ мѣръ и учрежденій, господствовавшими надъ общественными стремленіями, нравами и убѣжденіями. Обратите, мм. гг., вниманіе, напр., на его исторію. Не говоря о научныхъ достоинствахъ этого громаднаго труда, кто изъ насъ, въ свое время, не почерпалъ въ немъ того высокаго патріотическаго одушевленія, которое значенію гражданина даетъ такой блескъ и величіе? Пусть въ него былъ бы положенъ еще бо̀льшій запасъ знаній, пусть бы онъ отличался какими угод-

но еще высшими достоинствами исторической критики и изысканій, онъ никогда не произвелъ бы столь могущественнаго дѣйствія на развитіе нашего общественнаго духа, еслибъ авторъ его въ одно и то же время не являлся въ немъ такимъ доблестнымъ гражданиномъ, такимъ честнымъ человѣкомъ и такимъ мастеромъ-художникомъ. Весьма естественно, что письма къ Дмитріеву, служащія какъ-бы комментаріемъ къ жизни, характеру и сочиненіямъ Карамзина, изданіе коихъ выпало на долю II Отдѣленія, были приняты имъ съ тѣмъ почтительнымъ и глубокимъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ и по имени автора, и по своему содержанію, и что оно употребило всѣ возможныя усилія, чтобы изданіе было достойно и того и другаго. Трудъ этотъ оно возложило на своихъ членовъ Я. К. Грота и П. П. Пекарскаго. Книга уже въ рукахъ вашихъ и, конечно, не намъ судить о качествахъ изданія. Мы можемъ только сказать, что примѣчанія, которыя необходимо слѣдовало присоединить къ тексту, безъ чего многое въ немъ могло бы показаться невразумительнымъ для читателей, потребовали много справокъ и изысканій, по виду мелочныхъ, но въ сущности необходимыхъ для изданій подобнаго рода. Кромѣ указаній, которыя издатели-академики могли найти въ библіотекахъ, они должны были часто обращаться за поясненіями то къ нѣкоторымъ архивамъ, гдѣ заключались какія-нибудь свѣдѣнія о службѣ, лѣтахъ Карамзина и т. п., то къ новымъ источникамъ—лицамъ, находившимся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ не малымъ для нихъ пособіемъ были воспоминанія и засвидѣтельствованія члена нашего Отдѣленія князя Петра Андреевича Вяземскаго и почетнаго члена Академіи Константина Степановича Сербиновича.

Изъ отдѣльныхъ трудовъ членовъ я обращу вниманіе ваше, мм. гг., только на главные. Извѣстный германскій лингвистъ Шлейхеръ, занимающійся съ особеннымъ успѣхомъ изслѣдованіями по части славянскихъ нарѣчій, сообщилъ академику Шифнеру о планѣ, по которому могъ бы составленъ быть всеславянскій словарь. Такой важный трудъ не можетъ не интересовать

руссихъ ученыхъ, и потому Отдѣленіе поручило своему члену, ординарному академику Срезневскому, сообщить о немъ свои соображенія. Академикъ объяснилъ подробно, въ представленной имъ по этому поводу запискѣ, необходимыя для подобнаго труда пособія, именно частные словари славянскихъ нарѣчій и матеріалы, относящіеся вообще къ ясному уразумѣнію послѣднихъ, въ основныхъ ихъ элементахъ. Такъ-какъ эти пособія далеко не соотвѣтствуютъ еще требованіямъ словаря всеславянскаго, то г. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что, прежде чѣмъ приступлено будетъ къ его составленію, надобно дождаться совершенія хотя главныхъ предварительныхъ къ тому работъ. Между тѣмъ, по изъявленному Шлейхеромъ желанію ознакомиться ближе съ характеристическими чертами малорусскаго нарѣчія, г. Срезневскій сообщилъ ему нужныя свѣдѣнія. Въ семъ же году нашимъ академикомъ окончено и выдано въ свѣтъ сочиненіе о *древнихъ памятникахъ русскаго письма съ X до XIV вѣка.* Въ немъ заключается обозрѣніе памятниковъ какъ дошедшихъ до насъ въ современныхъ подлинникахъ, такъ и извѣстныхъ изъ списковъ позднѣйшаго времени. Къ нимъ присоединено пятьдесятъ снимковъ, сдѣланныхъ съ подлинниковъ. Снимки эти воспроизведены съ тою точностію и отчетливостію, какія требуются отъ ученаго изданія, которое, такимъ образомъ, обогащая исторію литературы фактами, въ то же время служитъ важнымъ пособіемъ при изученіи отечественной палеографіи. Другой плодъ изысканій г. Срезневскаго по части древней славянской филологіи представляетъ его сочиненіе о *древнихъ глаголитскихъ памятникахъ сравнительно съ памятниками кирилицы.* Здѣсь, сверхъ текста и разбора памятниковъ, доселѣ остававшихся въ неизвѣстности, помѣщенъ полный текстъ нѣсколькихъ изъ прежде открытыхъ, а изъ другихъ, бо̀льшаго объема, сдѣлано значительное число выписокъ. Этотъ трудъ долженъ обратить на себя вниманіе ученыхъ не только по полнотѣ собранныхъ фактовъ, но и по тщательному и подробному сравненію ихъ, сдѣланному впервые нашимъ академикомъ. Въ сборникѣ изслѣдованій по части русскаго языка и словесно-

сти, приложенныхъ къ «Запискамъ» Академіи, напечатаны также изъясненія г. Срезневскаго по другимъ предметамъ нашей древней словесности и письменности, какъ-то: разборъ русской книги XII столѣтія *Златоструй* и сравненіе ея съ Златоструемъ XV вѣка, причемъ указаны значительныя различія въ ихъ содержаніи, нѣсколько статей о ватиканскомъ глаголитскомъ евангеліи, чтеніе службы Константину-Философу по восьми древнимъ спискамъ, замѣчанія о древнихъ изображеніяхъ князей, о цѣнности книгъ въ древней Руси, и проч. Ему принадлежитъ также рецензія книги г. Савваитова о царскихъ утваряхъ и одеждахъ, удостоенной уваровской преміи. Но наиболѣе замѣчательный трудъ г. Срезневскаго, коего первые переписанные листы были представлены имъ въ Отдѣленіе, есть *словарь русскаго языка народнаго и книжнаго по древнимъ памятникамъ*. Составляемый по обширному плану, обнимающему языкъ по всѣмъ письменнымъ памятникамъ русскимъ съ древнѣйшаго времени до XV вѣка, при соблюденіи всѣхъ условій строгаго научнаго метода, словарь этотъ, когда появится въ свѣтъ, долженъ сдѣлаться необходимою настольною книгой для всѣхъ занимающихся исторіей не только языка и словесности, но и общею исторіей Россіи, и послужитъ, конечно, важнымъ пособіемъ для составленія общаго русскаго словаря.

Академикъ Я. К. Гротъ занимался приготовленіемъ къ изданію IV тома сочиненій Державина; томъ этотъ уже печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Въ немъ содержатся драматическія произведенія нашего поэта, сопровожденныя, какъ и въ прежде изданныхъ Академіею томахъ, примѣчаніями г. Грота, которыя сами по себѣ составляютъ важный матеріалъ для пополненія свѣдѣній нашихъ о славномъ вѣкѣ Екатерины II. Томъ этотъ, мы надѣемся, будетъ принятъ обществомъ съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ приняло оно предъидущіе. По общему, укоренившемуся въ нашей литературной критикѣ мнѣнію, драматическія сочиненія Державина лишены всякаго поэтическаго достоинства. Нѣтъ сомнѣнія, что Державинъ не обладалъ

качествами, нужными драматическому поэту, что онъ исключительно былъ лирикъ. Однако, внимательное изученіе и въ драматическихъ его произведеніяхъ откроетъ мѣста, отличающіяся истиннымъ одушевленіемъ, глубокимъ патріотическимъ чувствомъ и знаніемъ свойствъ народа.

По поводу предстоявшаго карамзинскаго торжества, Я. К. Гротъ написалъ монографію о жизни и литературныхъ заслугахъ Карамзина, извлеченіе изъ коей и было читано имъ въ собраніи 1-го декабря. На обязанности нашего академика въ этомъ году, какъ и въ предшествовавшихъ, лежало также веденіе протоколовъ засѣданій нашихъ и письмоводства, требовавшихъ постоянныхъ занятій и поглощавшихъ не мало времени. Онъ же, по порученію Отдѣленія, издалъ особой книгой собраніе отчетовъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и Словесности за 1852—1865 годы, составляющее продолженіе такого же изданія за предъидущіе годы, появившагося въ 1852 году.

П. П. Пекарскій, занимаясь разборомъ и изученіемъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, привелъ въ извѣстность многія данныя, имѣющія значеніе не для одной исторіи этого учрежденія, но и для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Успѣхи и судьбы послѣдняго гораздо тѣснѣе связаны съ существованіемъ этого учрежденія, чѣмъ многіе думаютъ. Академія, въ своемъ строго-опредѣленномъ, спеціальномъ характерѣ, какъ всѣ подобныя установленія въ другихъ образованныхъ странахъ, призванные расширять предѣлы науки, охранять и утверждать ее, была у насъ долго единственнымъ ея убѣжищемъ и органомъ. Она удерживала значеніе науки посреди различныхъ непріязненныхъ случайностей и служила залогомъ ея будущаго преуспѣянія въ отечествѣ. Но кромѣ того, согласно съ идеями Петра Великаго, она была, какъ извѣстно, не только учрежденіемъ ученымъ, но и учебнымъ. До того времени, какъ возникли у насъ университетъ и гимназіи, она была вмѣстѣ и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ юношество могло получать гимназическое и университетское образованіе. Роль эта измѣнилась, и Академія вошла въ свои естественныя границы

только съ устройствомъ нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Г. Пекарскій въ академическихъ актахъ прошлаго времени открылъ и постоянно открываетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какое дѣятельное участіе принимала Академія въ распространеніи въ обществѣ основательнаго научнаго образованія. И въ этомъ году найдено имъ, между прочимъ, что, во время завѣдыванія академическимъ университетомъ и гимназіей извѣстнаго академика Крашенинникова съ 1750—1756 года, воспитывалось въ нихъ отъ 100 до 150 молодыхъ людей разнаго званія. Изъ нихъ вышли многія замѣчательныя лица, съ честію дѣйствовавшія на ученомъ, педагогическомъ, литературномъ, а нѣкоторыя и на государственномъ поприщахъ, каковы: Котельниковъ, Протасовъ, Румовскій, Тепловъ, Козицкій, Лепехинъ, Иноходцевъ, Полѣновъ, первый писавшій о необходимости освобожденія крестьянъ, Княжнинъ, извѣстный драматургъ, и бывшіе одними изъ лучшихъ профессоровъ въ возникавшемъ тогда московскимъ университетѣ, Поповскій и Барсовъ. Сверхъ того, г. Пекарскій сообщалъ свѣдѣнія о разныхъ академическихъ дѣятеляхъ, важныя въ отношеніи къ характеристикѣ какъ самыхъ этихъ лицъ, ихъ заслугъ и взаимныхъ отношеній, такъ и нравовъ времени. Въ числѣ документовъ, внесенныхъ имъ въ Отдѣленіе, находятся, между прочимъ, просьба Тредьяковскаго, поданная въ 1759 году въ академическую канцелярію, объ увольненіи его вовсе отъ службы при Академіи. Въ ней проситель говоритъ какъ о всей своей академической службѣ, такъ и о горькихъ непріятностяхъ, сопровождавшихъ ее. Актъ этотъ служитъ значительнымъ дополненіемъ къ біографическимъ источникамъ о Тредьяковскомъ. Печальна судьба этого усерднаго и полезнаго труженика науки! Потомство видѣло долго въ немъ одну смѣшную сторону его поэтической бездарности, заслонявшей предъ нимъ ученыя заслуги; современники тоже не отдавали ему должной справедливости: онъ постоянно находился въ какомъ-то пренебреженіи, какъ у собратьевъ своихъ по наукѣ, такъ и у общества. Но исторія чужда неправды и односторонности; въ лицахъ, память которыхъ

она принимаетъ въ свое сохраненіе, она отличаетъ ошибки, заблужденія, темныя стороны и дань, платимую ими несовершенствамъ и условіямъ своего времени, отъ полезныхъ и честныхъ результатовъ умственнаго труда и знанія. Отдѣленіе вообще считаетъ своимъ долгомъ предъ отечественною наукой и литературой извлекать, по возможности, изъ забвенія все, что̀ сколько-нибудь содѣйствовало ихъ развитію и успѣхамъ. Въ этихъ видахъ оно съ полнымъ одобреніемъ приняло и другое изслѣдованіе г. Пекарскаго о замѣчательномъ нашемъ дѣятелѣ на поприщѣ знанія, Рычковѣ, изучившемъ, въ свое время, Россію, преимущественно съ этнографической стороны, и оставившемъ плоды своего изученія въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ. О немъ очень мало сохранилось свѣдѣній; а между тѣмъ это былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей прошедшаго столѣтія, которые съ восторгомъ припривѣтствовали зарю просвѣщенія въ Россіи, и безъ научныхъ средствъ, вѣрнымъ народнымъ инстинктомъ понимали, что все благое въ отечествѣ можетъ возникнуть и укрѣпиться только при содѣйствіи науки. Рычковъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ Академіи Наукъ. Г. Пекарскій изъ указаній, добытыхъ имъ въ академическихъ архивахъ, и изъ другихъ документовъ, собранныхъ имъ съ немалымъ трудомъ, также изъ сношеній съ потомками Рычкова, извлекъ данныя, поставившія его въ возможность представить эту почтенную личность въ истинномъ ея свѣтѣ. Трудъ этотъ почти конченъ, и г. Пекарскій не успѣлъ его выдать въ свѣтъ единственно по причинѣ занятій, какія пали на его долю въ приготовленіи къ печати писемъ Карамзина.

Въ 1865 году скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ сочленовъ, К. И. Арсеньевъ. Это было лицо, и въ жизни, и въ наукѣ, пользовавшееся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Благородствомъ своего характера и поступковъ онъ пріобрѣлъ лѣстную извѣстность еще въ самую раннюю пору своей дѣятельности, въ тотъ печальный моментъ исторіи здѣшняго университета, когда нѣкоторые члены его, въ томъ числѣ и онъ, подверглись гоненію со стороны нѣсколькихъ сильныхъ лицъ, въ какомъ-то нелѣпомъ

ослѣпленіи покусившихся на ниспроверженіе правъ и дѣла науки. Арсеньевъ былъ тогда профессоромъ русской статистики, и съ честію и мужествомъ выдержалъ эту опасную борьбу. И вся жизнь его была посвящена отечеству, которому онъ служилъ ревностно и успѣшно, то въ высшемъ званіи наставника нынѣ достославно царствующаго Государя Императора, то въ качествѣ даровитаго ученаго. Жизнь и дѣятельность подобныхъ людей достойны того, чтобы сохранить ихъ въ возможной полнотѣ и подробностяхъ для будущаго историка нашего образованія, пока не изгладились еще слѣды ихъ существованія между современниками. П. П. Пекарскій занялся тщательнымъ собираніемъ свѣдѣній о немъ, пользуясь при этомъ матеріалами, сообщенными ему сыновьями покойнаго, и написалъ біографію Арсеньева, которая будетъ вскорѣ напечатана.

А. Ѳ. Бычковъ занимался розысканіями и изслѣдованіями матеріаловъ, относящихся къ исторіи нашей словесности начала прошедшаго столѣтія. Онъ, между прочимъ, доставилъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о неизданныхъ еще, недавно найденныхъ и описанныхъ академикомъ Куникомъ сочиненіяхъ Посошкова. По поводу доставленнаго Отдѣленію въ рукописи перевода одной главы изъ космографіи Раува *о Московіи при Іоаннѣ Грозномъ*, г. Бычковъ разсмотрѣлъ все сочиненіе Раува и указалъ на источники, изъ коихъ этотъ писатель заимствовалъ свои свѣдѣнія. Тотъ же академикъ занимался редакціей печатаемаго въ академической типографіи «Словаря бѣлорусскаго нарѣчія», составленнаго г. Носовичемъ, и разсмотрѣлъ представленное на соисканіе уваровской преміи сочиненіе Прозоровскаго о древней монетной системѣ въ Россіи. Кромѣ того, г. Бычковъ, по званію редактора Археографической Коммиссіи, продолжалъ печатаніе подробнаго указателя къ первымъ восьми томамъ русскихъ лѣтописей. Указатель, имъ составленный, долженъ значительно облегчить пользованіе этими главными источниками нашей исторіи. Третій томъ новаго изданія русскихъ лѣтописей печатается также подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашего академика. Здѣсь,

между прочимъ, будетъ буквально оттиснутъ въ первоначальномъ своемъ видѣ харатейный списокъ новгородской лѣтописи—памятникъ чрезвычайно цѣнный для филолога. По званію старшаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, г. Бычковъ занимается изданіемъ описанія хранящихся въ ней русскихъ сборниковъ, гдѣ онъ приводитъ наиболѣе замѣчательныя справки изъ рукописей, сравниваетъ рукописные наши памятники съ изданными въ свѣтъ и указываетъ на особенности и ошибки въ первыхъ. Трудъ этотъ будетъ служить значительнымъ пособіемъ для исторической критики и для филологическихъ изслѣдованій. Наконецъ, имъ же представлена въ Отдѣленіе записка о двухъ славянскихъ палимпсестахъ, содержащихъ въ себѣ житіе русскихъ святыхъ. Памятники славянскіе этого рода очень рѣдки; оба они составляютъ часть рукописей, вывезенныхъ лейпцигскимъ профессоромъ Тишендорфомъ изъ Синайскаго монастыря, и находятся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Изъ сторонних членовъ Отдѣленія высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ, несмотря на глубокую преклонность лѣтъ своихъ и сопряженные съ нею недуги, напоминалъ намъ о живительной силѣ своей богатой мысли въ немногихъ, но сильныхъ чертахъ свойственнаго ему краснорѣчія. Мы съ умиленіемъ читали помѣщенное въ одной изъ книжекъ *Душеспасительнаго Чтенія* выраженіе его чувствованій Государю Императору, по случаю чуднаго избавленія Его Величества отъ руки злодѣя. Въ томъ же изданіи напечатаны двѣ его рѣчи по поводу нарѣченія архимандрита и ректора московской семинаріи во епископа можайскаго.

Преосвященный архіепископъ харьковскій Макарій представилъ продолженіе своего обширнаго труда: *Исторіи русской церкви*, и издалъ восемь рѣчей, произнесенныхъ имъ въ разное время въ истекшемъ году. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о его прекрасномъ словѣ, произнесенномъ въ день Карамзинского юбилея, въ церкви Харьковскаго университета. Съ теплымъ краснорѣчіемъ сердца и свѣтлымъ пониманіемъ предмета, онъ въ сжа-

томъ очеркѣ оцѣнилъ достойнымъ образомъ заслуги Карамзина какъ историка, какъ усовершенствователя нашего литературнаго языка и какъ человѣка-гражданина. Вотъ что говоритъ въ заключеніе своей рѣчи краснорѣчивый архипастырь: «Не за великіе таланты, которые зависѣли не отъ него, мы прославляемъ его, а за то, что, сознавъ свои таланты, онъ посвятилъ ихъ всецѣло на пользу своихъ согражданъ, за то, что онъ любилъ свое отечество всѣмъ существомъ своимъ, трудился для него во всю жизнь, трудился ревностно, неустанно, и что, воодушевленный этою любовью, онъ оказалъ своими трудами величайшія услуги русскому самопознанію и русскому слову».

М. П. Погодинъ издалъ вторую часть своихъ историко-критическихъ опытовъ, литературно-политическій сборникъ подъ названіемъ: «Утро» и продолжалъ печатаніе сочиненной имъ древней русской исторіи. Но замѣчательнѣйшій трудъ его есть біографія Карамзина, напечатанная имъ ко дню Карамзинскаго юбилея. Книга г. Погодина содержитъ въ себѣ богатые матеріалы для будущей полной біографіи Карамзина. Публика, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ по достоинству этотъ новый, важный трудъ нашего неутомимаго и даровитаго академика.

Въ заключеніе мы должны, въ лѣтописи нашей за этотъ годъ, отмѣтить и горестную утрату, понесенную отечественною наукою и вмѣстѣ Академіей въ лицѣ почетнаго нашего члена, архіепископа Черниговскаго Филарета, скончавшагося отъ холеры 9-го августа. Онъ родился въ 1805 году, и окончательное образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, по выходѣ изъ которой вскорѣ принялъ монашеское постриженіе. Въ 1835 году онъ былъ удостоенъ званія ректора въ той же академіи и занялъ каѳедру богословія. Посвященный въ санъ епископа Рижскаго въ 1840 году, онъ ознаменовалъ свою архипастырскую дѣятельность въ Остзейскомъ краѣ присоединеніемъ къ православію нѣсколькихъ тысячъ латышей и эстовъ. Черниговская епархія, которую онъ принялъ въ свое управленіе въ санѣ епископа въ 1859 году, сдѣлалась поприщемъ новой благотворной его дѣя-

тельности. Онъ понялъ, что въ наставшемъ новомъ положеніи народныхъ массъ, по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, имъ болѣе всего нужно нравственно-религіозное образованіе, и онъ съ неусыпною ревностію началъ заботиться о томъ, стараясь прежде всего о распространеніи между крестьянами грамотности. Его попеченіемъ возникло до 800 церковныхъ школъ въ приходахъ черниговской епархіи. Одинъ этотъ подвигъ, совершенный въ короткое время, достаточно свидѣтельствуетъ какимъ высокимъ духомъ былъ оживленъ покойный архипастырь. Къ достоинствамъ мудраго и просвѣщеннаго духовнаго и общественнаго дѣятеля онъ присоединилъ еще глубокую и обширную ученость. Онъ представлялъ собою образецъ изумительной дѣятельности и по количеству ученыхъ трудовъ, и по ихъ разнообразію и качеству. Между этими трудами, конечно, первое мѣсто занимаютъ произведенія, посвященныя исключительно предметамъ вѣры и церкви, каковы *Православно-догматическое богословіе*, и *Исторія русской церкви*, имѣющая вообще важное значеніе и для исторіи Россіи. Все, что̀ относилось къ познанію отечества, въ нравственномъ, умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, все занимало его дѣятельный умъ и было предметомъ его изысканій. Здѣсь не мѣсто ни исчислять всѣ его произведенія, ни опредѣлять ихъ достоинство. Мы укажемъ только на трудъ его, особенно важный для исторіи нашей словесности— на его *Обзоръ русской духовной литературы*. И послѣ сочиненія знаменитаго митрополита Кіевскаго Евгенія *о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*, книга покойнаго архіепископа Филарета составляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ пособій для изученія исторіи русской словесности и по новости многихъ свѣдѣній, и по основательности изысканій.

Императорская Академія Наукъ съ достодолжнымъ уваженіемъ сохранитъ въ своихъ лѣтописяхъ имя этого святителя, подвижника вѣры и знанія, какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ почетныхъ членовъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ТОМѢ I СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ Отдѣленія», которыми начинается книга. Имена, встрѣчающіяся въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» не вошли въ этотъ общій списокъ, а составляютъ содержаніе особаго указателя, помѣщеннаго передъ статьями, собранными подъ этимъ заглавіемъ.

Адашевъ, сотрудникъ Іоанна Грознаго. **10.** 57.

Адресъ-календарь. О первомъ изданіи его въ свѣтъ. XXXIV, XXXVI—XXXVIII.

Академія Наукъ въ Петербургѣ. Воспитанники изъ бывшихъ при ней университета и гимназіи. III, IV, V. Участіе ея при основаніи Московскаго университета. IV, V. Доставленіе ею мнѣнія объ учрежденіи гимназій въ Россіи. XXX. Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности: изданные имъ: словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. **2.** 18, 37. Опытъ областнаго Великорусскаго словаря, 37. Словарь Малорусскаго и Бѣлорусскаго нарѣчій. 38. Празднованіе столѣтней памяти Ломоносова. **1.** 1. — О значеніи и трудахъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности. **5.** 3—16. Отчеты Отдѣленія Русскаго языка и Словесности. **1.** 1—19 и **11.** 1—15. Изданіе отчетовъ 1852—1865. 9. Опредѣленіе объ изданіи «Сборника» Отдѣленія. V.

Академія Россійская. Ея задача. **5.** 4. Очеркъ ея дѣятельности. 4—7. Присоединеніе ея къ Академіи Наукъ. **7.** Свѣдѣнія о ней. XXX.

Александръ I, Императоръ. Отношеніе къ нему Карамзина. **10.** 24, 33, 42, 55, 56. Какъ воспѣвалъ его Державинъ. **4.** 19, 20.

Амфилохій, архимандритъ. О его описаніи византійскихъ памятниковъ. **1.** 9.

Анастасевичъ, В. Г. Рукопись его о соч. Державина. XLVI.

Аракчеевъ, гр. А. А. Предположеніе, что въ его бумагахъ отыскалась записка Карамзина о древней и новой Россіи. **1.** 13. **10.** 56. Спо-

собствовалъ къ примиренію Императора Александра I съ Карамзинымъ. **10.** 56.

Арсеньевъ, К. И., академикъ. Матеріалы для его біографіи. VIII. Статья о немъ написана Пекарскимъ. XXXIV. **11.** 10. Некрологъ его. **1.** 10 и сл. 5. 9.

Астрахань. Топографія ея, **3.** 7; извѣстія оттуда о бѣгствѣ Калмыковъ, 10; бунтъ тамъ Разина. 11.

Баженовъ, архитекторъ, ученикъ академической гимназіи. V.

Балашевъ, А. Д. Первый учредитель статистическаго отдѣленія. **1.** 13. Отклоняетъ назначеніе Карамзина въ должность государственнаго секретаря. **10.** 42.

Балясный. Доставилъ рукопись оды Державина, XLVI.

Барковъ, Иванъ. Отличный латинистъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. III, LXXVI.

Барсовъ, Антонъ. Профессоръ Московскаго университета, воспитанникъ Академіи Наукъ. III, IV. Его планъ сочиненія русской исторіи. **10.** 29. 53. Годъ его смерти, 53.

Бартеневъ, П. И. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. VIII. Доставилъ нѣсколько писемъ Державина. XLVII.

Барятинскій, кн. А. И. Дозволеніе академику Пекарскому пользоваться архивомъ преображенскаго полка. XLII.

Безсоновъ, П. А. Его Болгарскія пѣсни. **2.** 24.

Бередниковъ, Я. И., академикъ. **5.** 9.

Бернолакъ, А. Его Slovár Slowenský. **2.** 31.

Беръ, Мартинъ. Его извѣстіе о молодыхъ Русскихъ, посланныхъ въ Англію. LXVII, LXVIII.

Бецкій. Вызывается доставить изъ Флоренціи копію съ древней псалтыри. XLVIII.

Билярскій, П. С., акад. Его матеріалы для біографіи Ломон. **1.** 2, 6.

Блудовъ. Гр. Д. Н. Его отношенія кн. акад. Арсеньеву. XXXIV. **1.** 13. Разсказъ его о Карамзинѣ. **10.** 42, 49, 55—57

Болгарское нарѣчіе, древнее и новое. **2.** 24—25.

Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, Царь. Посылка имъ молодыхъ людей въ Англію. LXIV, LXV, LXVI, LXVIII.

Буличъ, Н. Н. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. VIII; — въ празднованіи столѣтней годовщины рожденія Карамзина. XLIX.

Бутковъ, Г. П., академикъ. **5.** 9.

Бутурлинъ, Ив., возражатель Леклерка. LV.

Бучинскій. Переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. Труды его 1866 г. **11.** 12. Замѣтка его о славянскомъ палимпсестѣ. VIII, XXVII—XXIX. Сообщилъ свѣдѣніе о новомъ спискѣ сочиненій Посошкова. XXXIV. Прочелъ статью свою о

соч. Раува: «Московія при Иванѣ Грозномъ». XXXV, XXXVIII. Принялъ на себя окончательную редакцію бѣлорусскаго словаря г. Носовича. XXXVI, XLVIII. Членъ коммисіи по юбилею Карамзина XLI. Доставилъ письма историографа къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и къ Калайдовичу. XLIII. Замѣчанія къ повѣсти о разореніи Батыемъ Рязани. XLV. Доставилъ неизвѣстное письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову. LII. Передалъ И. И. Срезневскому глаголическій палимпсестъ. LXXII.

Бѣлостѣнецъ. Его Gazophyłacium. **3.** 27.

Великановъ, Н. П. Доставилъ И. И. Срезневскому 17 рукописей. LXII.

Венелинъ. Отправленіе его въ Болгарію. **5.** 7.

Верковичъ. Его Болгарскія пѣсни. **2.** 24.

Виноградовъ. Письмо къ нему Ломоносова. LVI, LVII.

Витовтовъ, А. дьякъ. Наказъ ему хлопотать о возвратѣ изъ Англіи молодыхъ Русскихъ. LXVI, LXVII.

Владиміровъ, В. Сообщаетъ матеріалы для исторіи 1-й Казанс. гимназіи. XXX.

Волконскій, кн. Г. неправильно названъ Донскимъ. LXVII.

Вольтиджи I. Его Ricsosovnik jllíricskoga jezika. **2.** 27.

Вольфъ, философъ. Упоминаніе о немъ Ломоносова. LVI.

Вороновъ, А. С. Участіе его въ подпискѣ на сооруженіе памятника Востокову. XXXI.

Востоковъ, А. Х., академикъ. Прибавленіе къ его филологич. наблюденіямъ. **1.** 5. О обозрѣніи трудовъ его. 6. О памятникѣ надъ его могилой. I, VIII, XXXI. Его этимологическій словарь. **2.** 9. (примѣчанія). Его Словарь Церковно-Славянскаго языка. 17, 23.

Вяземскій, князь А. А. О ссорѣ съ нимъ Державина. **4.** 8.

Вяземскій, князь П. А. членъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. **5.** 8, 9. Участіе его въ приготовленіяхъ къ юбилею Карамзина. **11.** 4, 6. XLI, XLIII.

Галичъ, профессоръ. О составленіи біографіи его. **1.** 6.

Гамба, переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Гамель, академикъ. О рукописяхъ Миллера. **1.** 7.

Ганка. В. его Sbírka nejdàwnějšich Slovnikû. **2.** 31. См. Уваровъ.

Гауэншильдъ. Переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Геннадій, Г. Н. О его указателѣ свѣдѣній о Ломоносовѣ. **1.** 3. V.

Георгій, академикъ. Пребываніе его въ Оренбургѣ. **3.** 16.

Герберштейна Записки о Россіи. О приготовляемомъ г. Праховымъ переводѣ ихъ. XXXI.

Геренъ, профессоръ. Его критическая статья объ Исторіи Карамзина. **10.** 31.

Геровъ. Его Болгарскій словарь. **2.** 24.

Герцъ, К. К. При его посредствѣ доставленъ бюстъ Карамзина. XLIV.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Его сочиненія о языкѣ Балтійскихъ славянъ. **2.** 35. Сообщилъ свѣдѣніе о хранящихся въ одной англійской библіотекѣ славянскихъ рукописяхъ. XXXII.

Глинка, Григорій. Профессоръ Дерптскаго университета. **10.** 51.

Глинка, С. Н. Письмо къ нему Карамзина. XLIII. Карамзинъ исходатайствовалъ ему пенсію. **10.** 35.

Глинка, Ѳ. Н. Его свидѣтельство о Карамзинѣ. **10.** 18.

Гоголь, Н. В. Замѣчанія его о Державинѣ. **4.** 11. 24.

Голикова бумаги, нѣкоторыя доставлены Погодинымъ. XLIII.

Голицынъ, кн. С. Ѳ. Разговоръ его съ Державинымъ. **4.** 9.

Горскій, А. В. Доставилъ списокъ указаній подлинника поученій Іоанна Златоуста. LXII.

Гротъ, Я. К., академикъ. О чтеніи его на Ломоносовскомъ юбилеѣ. **1.** 1. Труды его въ 1865 и 1866 г. **1.** 6. **11.** 6, 8, 9. Представилъ списокъ *Гимна бородѣ*, Ломоносова. II. Записка его объ отдѣленіи русскаго языка и словесности. VII. Сообщаетъ свѣдѣнія: 1, о «Выпискѣ Хронологической», составленной по распоряженію Екатерины Второй. III, IX; 2, о портретахъ, находящихся въ Академіи Наукъ. XXX; 3. о ходѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. I, VIII, XXXI. — Доставилъ изъ Москвы подлинныя письма Карамзина къ Дмитріеву. XXXIII. Членъ коммиссіи по юбилею Карамзина, XLI. Издаетъ, вмѣстѣ съ П. П. Пекарскимъ, письма Исторіографа къ Дмитріеву XLI—XLIII. Докладываетъ о полученныхъ для изданія соч. Державина матеріалахъ XXX, XLVI. Заявляетъ о трудахъ гг. Сухомлинова, Булича и Порошина, имѣющихъ отношеніе къ письмамъ Карамзина. XLVIII—LII. Читалъ статью свою о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго литературнаго языка. LXIII. Участвуетъ въ засѣданіи при славянскихъ гостяхъ. LXXII. Заявляетъ о выходѣ IV-го тома соч. Державина. LXXIII.

Гудовичъ, И. В. О ссорѣ съ нимъ Державина. **4.** 8.

Давыдовъ, К. Посланъ Годуновымъ въ Англію для обученія языковъ LXVII—LXXI.

Даль, В. И. Его Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка. **2.** 37.

Даничичъ, Ю. Его Ріечникъ изъ книжевних старина Срских. **2.** 25.

Дашкова, княгиня Ек. Ром. Ея участіе въ основаніи Россійской Академіи. **5.** 4, 5.

Делла Белла, А. Его Dizionario Italiano-Latino Illirico. 2, 26.

Державинъ, Г. Р. Характеристика его, какъ поэта. **4.** 1—25. Изданіе тома IV его сочиненій. **11.** 8. VII. О матеріалахъ для изданія, доставленныхъ посторонними лицами. XXX. XLVI. Рукопись одной его оды. XLVI. Томъ IV академическаго изданія его сочиненій. LXX, III. Письмо къ нему Карамзина. **10.** 12, 47.

Дмитріевъ, И. И. Подлинныя письма къ нему Карамзина доставлены въ Отдѣленіе русс. яз. и слов. XXXIII. **11.** 4. Дружба съ нимъ Карамзина. **10.** 8, 46.

Дмитріевъ, М. А. Передалъ академіи подлинныя письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву. XXXIII, LXI.

Добровскій. Его Deutsch-Böhmisches Wörterbuch. **2.** 31.

Дювернуа, В. Соч. его «объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи». LXXIII.

Екатерина Вторая, Императрица. Приказываетъ печатать адресъ-календарь. XXXIV, XXXVI. Представленіе ей Рычкова. **3.** 9. Какъ понималъ ее Державинъ. **4.** 6 и слл. 15, 17, 24. Разговоръ ея съ нимъ о его характерѣ. 8. Ея сочиненіе: «Выпись хронологическая изъ исторіи русской». III, IX. Сужденіе англичанина о ея трудахъ LXXXIII. Ея заботы о народномъ образованіи. **10.** 26. Похвальное ей слово Карамзина. 58.

Екатерина Павловна, Великая княгиня. По ея вызову написана записка Карамзина о Россіи. **10.** 32, 55. Отношеніе къ ней и письмо Карамзина. 57.

Елизавета Алексѣевна, Императрица. Переписка съ ней Карамзина. **10.** 35, 38, 60.

Елизавета, королева Англійская. Посылка Русскихъ въ Англію въ ея царствованіе. LXVIII, LXX.

Еропкинъ, П. Рекомендація гр. Панину Рычкова. **3.** 12.

Ждановичъ. Słownik języka Polskiego. **2.** 26.

Жоффре, переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Жуковскій, В. А. Его отношенія къ акад. Арсеньеву. XXXIV. О запрещеніи цензурою одной его баллады. XLIX. Членъ 2-го отдѣленія Росс. Академіи. **5.** 8, 13. Его уваженіе къ Карамзину. **10.** 38.

Завадовскій, графъ П. В. Шутки надъ нимъ Державина. **4.** 8.

Захаровъ, И. С. Его похвальное слово Екатеринѣ Второй. **10.** 58.

Злобинъ, К. К. Разрѣшаетъ печатать матеріалы о Карамзинѣ въ Государственномъ Архивѣ. XLII.

Зубовы, графы П. А. и В. А. Отношеніе къ нимъ Державина. **4.** 8, 10.

Зюзинъ, А. посланникъ въ Англію. Наказъ ему хлопотать о возвратѣ изъ Англіи молодыхъ Русскихъ LXV—LXXI.

Ивановскій, А. Б. Доставилъ рукопись Анастасевича о сочиненіяхъ Державина. XLVI.

Измайловъ, Вл. В. Карамзинъ исходатайствовалъ ему пенсію. **10.** 35.

Иноходцевъ, академикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. IV.

Іаковъ, король Англійскій. Посольство къ нему царя Михаила Ѳедоровича. LXVI.

Іоаннъ Грозный. Письмо Карамзина о его царствованіи. **10.** 57.

Казанская губернія. О земледѣліи въ ней. **3.** 7. Опытъ исторіи Казанской, Рычкова. 9.

Калачовъ, Н. В. Доставляетъ справки о родѣ Карамзиныхъ. XLII. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. XXXI.

Калмыки Волжскіе. Бѣгство ихъ изъ Россіи. **3.** 10.

Кантемиръ, князь Д. А. Сужденія о немъ англичанина. LXXXII.

Каразинъ, В. Н. Замѣтка его на подаренной ему рукописи одной оды Державина. XLVI.

Карамзинъ, Н. М. Предположеніе гр. Блудова относительно записки о древней и новой Россіи. **1.** 13. **10.** 56. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. 1—60. Празднованіе столѣтней годовщины его рожденія. XXXIII. XLI—XLIII. XLVIII—LII.

Кого разумѣлъ подъ Аглаею. XLIX. О біографіи его, составленной Н. Н. Буличемъ XLIX. О французскомъ переводѣ писемъ русскаго путешественника, изданнымъ г. Порошинымъ въ Парижѣ. L.

Значеніе его въ исторіи литературнаго языка. LXIII. Письмо его къ Имп. Александру Павловичу. LXXVI. О мѣсторожденіи его. LXXVII. **11.** 1—4, 14. XXXI, XXXIII, XLI—XLIV. Подлинныя письма его къ Дмитріеву доставлены въ отдѣленіе. XXXIII, XLIX.

Каузиній. Авторъ реторики, бывшей въ употребленіи Ломоносова, LVI.

Каченовскій, М. Т. Взглядъ Карамзина на его критику. **10.** 36.

Кириловъ, И. К. Любитель наукъ, покровитель Рычкова. **3.** 3, 4.

Клеркъ. см. Леклеркъ.

Климентъ, епископъ славянскій. Записки о немъ И. И. Срезневскаго. VII.

Княжевичъ, А. М. Доставилъ списокъ *Гимна бородѣ*, Ломоносова.

Княжнинъ, Я. Б. Писатель, бывшій воспитанникъ Академіи Наукъ. IV.

Кожуховъ, С. Посланъ Годуновымъ въ Англію для обученія языковъ. LXII—LXXI.

Козельскій, Яковъ. **Козельскій,** Ѳедоръ. Воспитанники Академіи Наукъ и переводчики. IV.

Кондыревъ, Иванъ Гавриловичъ. Посолъ къ Французскому Королю Людовику. XIII, LXVII.

Константинъ Философъ. Записка И. И. Срезневскаго о службѣ ему. VII.

Корзонъ, Робертъ. Владѣлецъ библіотеки въ графствѣ Суссексъ, въ которой есть нѣсколько славянскихъ рукописей. XXXII.

Коркуновъ, М. А., академикъ. **5.** 9,

Костомаровъ, Ѳ. Посланъ въ Англію Годуновымъ для обученія языковъ. LXVII—LXXI.

Котельниковъ, академикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. III. **11.** 10.

Коцебу, А. Хотѣлъ переводить Исторію Карамзина. **10.** 54.

Красильниковъ, прапорщикъ. Его карты Оренбургскаго края 1752 года. LXXVII.

Крафтъ, младшій, академикъ. Посѣщаетъ село Спасское Рычкова. **3.** 15.

Крашенинниковъ, С. П., академикъ. Его ректорство въ академическомъ университетѣ. III. **11.** 10.

Кругъ, академикъ. Отзывъ его объ исторіи Карамзина. **10.** 31.

Крыловъ, И. А. Членъ Росс. Ак. и Отд. Русск. яз. и сл. **5.** 8. 13.

Кукулевичъ Сакцинскій. Его Monumenta historica slavorum meridionalium. **2.** 25.

Кулябка, архіепископъ. Стихи къ нему Ломоносова. II.

Куникъ, А. А., академикъ. Труды его. **1.** 2, 3. **11.** 13. V. Отзывъ его о тетради, приписываемой Ломоносову. XXIX. Участіе его въ совѣщаніяхъ о юбилеѣ Карамзина. XXXI. Описалъ неизвѣстныя сочиненія Посошкова. XXXIV. Участвуетъ въ коммиссіи по юбилею Карамзина. XLI.

Лавровскій, П. А. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. VIII. Доставилъ свое «Изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». LXIII. Участвуетъ въ засѣданіи Отдѣленія. LXXIV.

Ламбины, П. и Б. П-чи. Составители Исторической Библіографіи. XLVII.

Лафатеръ. Уваженіе къ нему Карамзина. **10.** 36, 59.

Леклеркъ, Н. Г. Рѣчь его о Ломоносовѣ. XLVII, LIII—LVI.

Лепехинъ, академикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. IV. Посѣщеніе с. Спасскаго Рычкова. **3.** 15, 16.

Линде, Б. С. Его Słownik języka Polskiego. 2. 7—9.

Литке, графъ Ѳедоръ Петровичъ. Дѣйствія его по празднованію юбилея Ломоносова. **1.** 1, 2. Участіе его въ подпискѣ на памятникъ Востокову. VIII.

Ломоносовъ, М. В. Рѣчь о немъ Леклерка XLVII, LIII—LVII; письма его: къ Виноградову и Черкасову. LVI—LVIII. Къ И. Шувалову. LII, LXI, LXII. Англійская статья о немъ LXXVIII. Знакомство съ Рычковымъ. **3.** 5. Одобряетъ статью Рычкова о рудахъ. 14. Празднованіе столѣтней памяти его. **1.** 1. и слл. **11.** 1, 2.

О матеріалахъ для его біографіи. 6, 8. Впечатлѣнія, произвед. его одой на взятіе Хотина. **4.** 6. Общія у него черты съ Державинымъ, 21. Списокъ его *Гимна бородѣ*. II. Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ. V. Тетрадь Ломоносова по части реторики. XXIX. Сужденіе о немъ Англичанина. LXXIX. Мнѣніе Ломоносова о журналистахъ. **10.** 53. Взглядъ Карамзина на слогъ Ломоносова. 58.

Лонгиновъ, М. Н. Замѣчанія его къ «матеріаламъ для библіографіи литературы о Ломоносовѣ». V. Примѣчанія его къ письмамъ Карамзина къ Дмитріеву. XLI, XLIX.

Людовикъ XIII. Посольство къ нему царя Михаила Ѳедоровича. LXVII.

Майковъ, Л. Н. Замѣчанія его къ матеріаламъ библіографіи литературы о Ломоносовѣ. LXIV.

Макарій, архіепископъ Харьковской и академикъ. Труды его въ 1865—1866 г. 1, 6. **11.** 13.

Макушевъ. Представилъ въ рукописи свои «Изслѣдованія о памятникахъ и бытописаніяхъ Дубровника». XLVII. Отзывъ ак. Срезневскаго объ этомъ трудѣ. XLVII. О его сочиненіи: «Задунайскіе и адріатическіе славяне», LXXVII.

Мантейфель, графъ. Письмо къ нему Карамзина. **10.** 40.

Мевесъ. Отзывъ о его рукописномъ сочиненіи: «Литературные гости въ Россіи» XLV.

Мерикъ, Джонъ. Англичанинъ, взявшій молодыхъ русскихъ для обученія въ Англію. LXV, LXX.

Мерилизъ. Авторъ очерковъ древней русской литературы на англійскомъ. языкѣ LXXIX.

Микали, Я. Его Blago iezika Slovinskoga. **2.** 26—27.

Миклошичь, Ф. Его Lexicon Polacoslovenico-Graeco-Latinum. **2.** 17—23.

Миллеръ, Г. Ф., академикъ. Его непріязненныя отношенія къ Тредіаковскому. XIII, XIV, XV. Его сношенія съ Рычковымъ. LXIV. **3.** 1, 2, 6—10, 13, 14. Разборъ его рукописей. **1.** 7.

Милютинъ, Д. А. Доставленіе имъ справки о Карамзинѣ. XLII.

Михаилъ Ѳедоровичъ, Царь. Требованіе имъ молодыхъ русскихъ, посланныхъ въ Англію. LXIV, LXVI—LXXI.

Морицъ, Нѣмецкій писатель. Уваженіе къ нему Карамзина. **10.** 45.

Москини, переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Муравьевъ, М. Н. Письмо къ нему Карамзина. **10.** 40.

Мурко, А. Его Slovensko Némshk. besédnik. 2, 29.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. И. Изъ письма его къ Державину. **4.** 5.

Нарановичъ. Доставилъ письмо Ганки къ С. С. Уварову. LXIII.

Нартовъ, президентъ Росс. Академіи. Предложилъ написать похвальное слово Екатеринѣ Второй. **10.** 58.

Нарышкинъ, Л. А. Какъ изображенъ Днржавинымъ. **4.** 16.

Никитенко, А. В., академикъ. О чтеніи его на Ломоносовскомъ юбилеѣ. 1, 1. Составляетъ біографію Галича. 6. Отчетъ имъ составленный. **11.** 1—15. Доставилъ подлинное письмо Карамзина къ С. Н. Глинкѣ. XLIII. Отзывъ о рукописи г. Мевеса «Литературные гости въ Россіи». XLV.

Николевъ, Н. П. Статья Карамзина о его комедіи. **10.** 15.

Никольскій, В. В. Свидѣтельство его о «Кружкѣ» Державина. XXX.

Новиковъ, Н. И. Объ участіи Карамзина въ издательской его дѣятельности. XLII. Отношеніе къ нему Карамзина. **10.** 9, 46.

Норовъ, А. С., академикъ. Участіе его въ приготовленіяхъ къ юбилею Карамзина. **11.** 4. XXXI.

Носовичъ, И. И. Его словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. **2.** 38. **1.** 10. XXXVI.

Оболенскій, кн. П. А., попечитель Московскаго учебнаго округа. **10.** 41.

Обсерваторія, Пулковская. Построена отчасти на суммы Россійской Академіи. **5.** 7.

Обуховъ. Б. П. Доставляетъ справки о Карамзинѣ. XLII.

Оды XVII-го столѣтія. **4.** 3, 6.

Оже, переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Олферьевъ, Н. Посланъ Годуновымъ въ Англію для обученія языковъ. LXVII—LXXI.

Орловъ, графъ Г. Обѣдъ у него академиковъ **3.** 14.

Оренбургская губернія. Описаніе ея Рычковымъ. **3.** 5, 6, 7, 8. Посѣщеніе ея академиками. 15.

Оренбургъ городъ. О положеніи его. **3.** 9. Появленіе около него Пугачева. 10, 11. Посѣщеніе Оренбурга академиками. 16.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности. См. Академія Наукъ.

Павелъ I, Императоръ. Дѣятельность Карамзина въ его царствованіе. **10.** 20.

Палацкій, Францъ. Участвуетъ въ засѣданіи отдѣленія 11 мая. LXXIV.

Палласъ, академикъ. Сношенія его съ Рычковымъ. **3.** 14, 15.

Панинъ, графъ П. И. Вызываетъ Рычкова по дѣламъ въ Симбирскъ. **3.** 12.

Панкратьевъ, академическій коммиссаръ. XI.

Пекарскій, П. П., академикъ. Работы его по исторіи Академіи Наукъ. III—V. Извѣстія его для біографіи К. И. Арсеньева, В. К. Тредіаковскаго. VIII, XI. 1, 12. Представляетъ матеріалы для исторіи Казанской первой гимназіи. XXX. Читаетъ въ отдѣленіи статью о К. И. Арсеньевѣ. XXXIV. Замѣтка объ адресъ-календарѣ 1765 года. XXXVI—XXXVIII. Участіе въ коммиссіи для приготовленій къ празднованію столѣтней годовщины Карамзина. Изданіе имъ, вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ, писемъ историографа. XLI, XLII. Представляетъ Отдѣленію записку Сумарокова и рѣчь Леклерка о Ломоносовѣ. Наблюдаетъ за изданіемъ «Историч. Библіографіи. XLVII. Отысканіе имъ Французской статьи Карамзина. L. Сообщеніе двухъ неизвѣстныхъ писемъ Ломоносова. LII. Занятія біографіею Рычкова. Сообщенія извѣстій о молодыхъ Русскихъ, посланныхъ въ Англію Годуновымъ, и о Петербургскихъ Вѣдом. LIV, LV. О картахъ Оренбург. края и письмо Карамзина LXXVI, LXXVII. Труды его въ 1865 и 1866 гг. **1.** 7. **11.** 6, 9, 10—12.

Петрей, П. Его исторія о Россіи была у Ломоносова. LVI.

Петровъ, А. А. Отношеніе къ нему Карамзина. **10.** 7, 19, 46.

Петръ Великій. О посылкѣ имъ въ Хиву Бековича Черкасскаго. **3.** 7.

Платнеръ, нѣмецкій писатель. Разговоръ съ нимъ Карамзина. **10.** 53.

Плетневъ, П. А., академикъ. Некрологъ его. **1.** 14 и слл.

Плещеева, Настасья Ивановна. Посвященіе ей Аглаи Карамзина. **10.** 17. Ср. Протасова.

Погодинъ, М. П., академикъ. Труды его въ 1865 и 1866 г. **1.** 6, **5.** 10. **11.** 14. V. О пожертвованной имъ въ Московскій музей рукописи Ломоносова по части реторики. XXIX. Участвуетъ въ приготовленіяхъ къ юбилею Карамзина. XLI. Предлагаетъ подлинныя письма Карамзина къ Тургеневу. XLIII. Принадлежащій ему бюстъ Карамзина XLIV. Доставляетъ въ отдѣленіе біографію Карамзина. LII.

Подшиваловъ, В. С. Статья его о переводѣ Туманскаго. **10.** 15.

Полторацкій, С. Д. Покупка у него для академич. библитеки экземпляра Спб. Вѣд. 1728. LXV.

Полѣновъ, А. Воспитанникъ Академіи Наукъ, писавшій объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. IV. **11.** 10.

Полѣновъ, Д. В. Доставилъ ноты къ стихамъ Державина. XXX. Участвуетъ въ засѣданіи отдѣленія 11 мая. LXXIV.

Пономаревъ, Ст. И., преподаватель. О его матеріалахъ для библіографіи соч. Ломоносова. **1.** 2. V. Доставилъ брошюру свою о Черниг. архіепископѣ Филаретѣ. XLVII. Прислалъ начало матеріаловъ для библіографіи литературы о Карамзинѣ. LII.

Поповскій. Профессоръ Московскаго университета, воспитанникъ Академіи Наукъ. III, IV.

Порошинъ, В. С. Присылка имъ французской статьи Карамзина, указанной Пекарскимъ. XLII. Объ изданіомъ имъ французскомъ переводѣ «писемъ русскаго путешественника». L.

Посошковъ. О новомъ спискѣ сочиненій его. XXXIV—XXXV. **11.** 13.

Потемкинъ, князь Г. А. Какъ относится къ нему Державинъ. **4.** 8. 10. Греческій проэктъ. 14.

Праховъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета. О ходѣ работъ его по приготовленію перевода Записокъ Герберштейна. XXXI.

Прокоповичъ-Антонскій, А. А. Хотѣлъ запретить *Марѳу Посадницу* Карамзина. **10.** 49.

Протасова, Настасья Иван. Ее разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ Аглаи. XLIX. Ср. Плещеева.

Протасовъ, академикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. III. **11.** 10.

Псалтирь. Стихами, соч. Тредіаковскаго. XIII.

Пугачевъ Емельянъ. Осада его Оренбурга. **3.** 10, 11.

Пушкина, графиня. Участвовала въ воспитаніи Карамзина. **10.** 44.

Пушкинъ, А. С. **4.** 5, 12. Ходатайство за него Карамзина. **10.** 35.

Пушкинъ, графъ А. И. См. Мусинъ-Пушкинъ.

Пфуль, К., докторъ. О его сочиненіи «Laut und Formenlehre der Oberlausitzisch-wendischen Sprache.» LXXIII. Его Serbski Slovnik. **2.** 23. Его собраніе старинныхъ словарей Балтійско-Славянскихъ нарѣчій. 35.

Радищевъ, А. Н. Доставилъ Державину экземпляръ своего «Путешествія». **4.** 2. Смерть его. **10.** 56.

Разинъ Степанъ. Бунтъ его въ Астрахани. **3.** 11.

Разумовскій, графъ Кирилъ Григорьевичъ, президентъ Академіи Наукъ. Отпускаетъ въ Московскій университетъ воспитанниковъ Академіи въ Профессора. IV. Отношенія къ Тредіаковскому. XI, XIV, XVI, XXI, XXVI. Его распоряженіе о членахъ-корреспондентахъ Академіи. LXIV. Старается о представленіи Рычкова Екатеринѣ Второй. **3.** 9.

Рамазановъ, Н. А. При его посредствѣ полученъ бюстъ Карамзина. XLIV.

Раувъ, Іоганъ. Авторъ статьи «Московія при Иванѣ Грозномъ». XXXV, XXXVIII—XXXX.

Рейнсдорпъ, И. А., Оренбургскій губернаторъ, неудовольствія его на Рычкова за сочинительство. **3.** 10, 12.

Рейфъ, Ф. Его этимологическій словарь Русскаго языка, **2.** 37.

Реомюръ, Французскій ученый. Его стеклянный улей для наблюденій надъ пчелами. **3.** 16.

Ришле. Лексиконъ его. XXV.

Ролленъ. Переводъ его древней исторіи Тредіаковскимъ. XII, XIII.

Румовскій, академикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. III. **11.** 10.

Руссовъ, Степанъ. Его замѣтка въ книгѣ «Выпись хронологическая изъ исторіи русской», соч. Екатерины Второй. III, IX.

Рычкова, Е. Д. Получаетъ медаль Вольн.-Экономическаго Общества. **3.** 7. Извѣщеніе ея о смерти мужа. 13.

Рычковъ, А. П. Убитъ сообщниками Пугачева. **3.** 11, 12.

Рычковъ, Н. П. Участіе его въ ученой экспедиціи. **3.** 15.

Рычковъ, П. И. О составленіи жизнеописанія его. LXIV. 1, 9. **11.** 11. Представленіе имъ картъ Оренб. края. LXXVII. Его сношенія съ Академію Наукъ. **3.** 1—16.

Рябининъ, А. Ходатайство о немъ Карамзина. LXXVI, LXVII.

Саввантовъ, П. И. О разборѣ его книги. **11.** 8.

Сальховъ, докторъ и академикъ, лѣчитъ Тредіаковскаго. XII.

Самара городъ. Сѣрный заводъ близъ нея. **3.** 7.

Сегюръ, графъ. Отзывъ его о крѣпостномъ состояніи. **10.** 50.

Семевскій, М. И. Доставилъ подлинную переписку Державина съ графомъ Д. И. Хвостовымъ. XXV.

Семеновъ, Ѳедоръ. Посланъ Годуновымъ въ Англію для обученія языковъ. LXVIII—LXXI.

Сенъ-Тома. См. Тома.

Сербиновичъ, К. С., почетный членъ отдѣленія русск. яз. и сл. Объясненія его къ письмамъ Карамзина къ Дмитріеву. **11.** 6. Участіе его въ совѣщаніяхъ о юбилеѣ Карамзина. XXXI. Его воспоминанія объ исторіографѣ. XLIII. **10.** 44. 46. 54.

Сербское нарѣчіе. Словари. **2.** 25.

Симбирскъ. О скопищѣ около него сообщниковъ Пугачева. **3.** 12.

Словарь всѣхъ Славянс. нарѣчій. Мнѣніе Шлейхера. **2.** 1 — 5; Срезневскаго. 6—16. 38—40. Труды по этому словарю: Линде 7—9; Востокова. 9 (примѣчаніе); Шимкевича. 9—11; Франты Шумавскаго. 16.

Словари-Церковно-Славянскаго языка. 2. 17—18, 23. Болгарскаго древ. и нов. 24. Сербскаго и Хорватскаго. 25—27. Славянскаго-Хорутанскаго. 29. Чешскаго. 30—36 Сербо-Лужицкаго 33. Балтійскаго Славянскаго. 34—35. Польскаго, древняго и новаго. 35—36. Русскаго, древняго и новаго. 36—38.

Соболевскій, С. А. Его извѣстія о К. И. Арсеньевѣ. VIII.

Соймоновъ, Ѳ. И. Любитель наукъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Академіею. **3.** 3.

Сперанскій, М. М. Отклоняетъ мысль о назначеніи Ксрамзина министромъ. **10.** 42. Осужденіе его Карамзинымъ. 55.

Срезневскій, И. И. Мнѣніе о планѣ словарѣ Слав. нарѣчій. **2.** 6—40. I.—Трудъ его «Древніе Глаголическіе памятники». II. Планъ составляемаго имъ Русскаго Словаря. V—VII. Читалъ въ Отдѣленіи записки: о службѣ Константина Фил., о трудахъ Шлейхера, о спискахъ Златоструя и о еп. Климентѣ. VII, XXIX. Докладъ его о хранящихся въ одной англійской библіотекѣ славянскихъ рукописяхъ и о доставленныхъ снимкахъ съ Ватиканскаго евангелія XXXII. Представляетъ 50 снимковъ къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка». XXXIII. О трудахъ его въ 1865 и 1866 г. **1.** 4, 9. **11.** 6—8. Читалъ двѣ записки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, статью о древнихъ сказаніяхъ о Святителѣ Николаѣ, записку объ отрывкѣ изъ книги Еванг. Чтеній XI вѣка, дополнительную замѣтку о трудахъ Шлейхера, записку о похвалѣ Кириллу Философу, текстъ и разборъ повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ. XLIV—XLV. Заявилъ объ одномъ памятникѣ апокрифической литературы. XLV. Отзывъ его о трудѣ Макушева. XLVII. Представилъ два древнихъ памятника XIII вѣка; статью Юшкевича «Литовскія народныя пѣсни»; письмо отъ г. Бецкаго изъ Флоренціи и заявилъ о составѣ Саввиной книги. XLVIII. Представилъ труды, присланные отъ А. В. Горскаго и д-ра Ягича. LXII; начало изслѣдованія о нарѣчіяхъ старо-славянскаго, письмо Ганки къ С. С. Уварову и отзывъ о трудѣ Лавровскаго. LXIII. Читалъ статью свою о русскомъ правописаніи. LXXI. Представилъ обозрѣніе древнихъ памятниковъ юго-западнаго юсоваго письма. LXXI; доставленныя Д. М. Струковымъ. «Древности россійскаго государства». LXXII. Въ засѣданіи при славянскихъ гостяхъ доложилъ о глаголическомъ палимпсестѣ и о вновь вышедшихъ западно-славянскихъ и русскихъ книгахъ. LXXII. Представилъ только что отпечатанныя «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». LXXIII. Отзывъ о трудахъ Эрбена. LXXIV. Доложилъ о доставленномъ д-ромъ И. Шафарикомъ памятникѣ юго-западнаго письма XII вѣка. LXXV. Прочелъ статью свою объ очеркахъ русской литературы на англійскомъ языкѣ. LXXV.

Старо-славянское нарѣчіе. Смѣшенныя понятія о немъ. **2.** 19—22. Словари его. 18—19, 23—24.

Стихи. Сочиненія Тредіаковскаго: басня безъ риѳмъ, ода—Вешнее тепло. XIV.

Строгановъ, гр. А. С. Изображенъ Державинымъ. **4.** 16.

Строевъ, П. М., Академикъ. Ключъ его къ Исторіи Карамзина изданъ Россійской Академіей. **5.** 7.

Струковъ, Д. М. Доставилъ «Древности росс. государства». LXXII.

Сумароковъ, А. П., писатель. Его жалобы на цензора. XXXIV. О запискѣ его по поводу оды къ польскому королю. XLVII. Мнѣніе Карамзина о слогѣ его. **10.** 58.

Сухомлиновъ, М. И. О его Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ царствованіе императора Александра Іго. XLVIII.

Сушковъ, Н. В. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокову. VIII.

Тамезъ, Иванъ, учредитель полотняной фабрики въ Москвѣ. **3.** 2.

Татищевъ, Василій Никитичъ. Его сношенія съ Академіею и покровительство Рычкову. **3.** 3, 4, 5.

Таубертъ, Иванъ Ивановичъ, академическій совѣтникъ. Вражда его къ Тредіаковскому. XVI. Отзывъ его о Рычковѣ. **3.** 7.

Тепловъ. Василій, переводчикъ, воспитанникъ Академіи Наукъ. III, IV. **11.** 10.

Тепловъ, Григорій. Его брань Тредіаковскаго. XVI. Сообщеніе его Академіи о печатаніи адресь-календаря. XXXVI.

Тиндендорфъ, профессоръ. **11.** 13.

Толстой, Ю. В. Доставилъ справку о Карамзинѣ. XLII.

Тома (Сенъ), переводчикъ Исторіи Карамзина. **10.** 54.

Тредіаковскій, В. К. Бумаги объ увольненіи его изъ Академіи въ 1759 г. VIII, XI—XXVII. **1.** 10. Разсужденія Тредіаковскаго: о Гораціяхъ и Куріаціяхъ; о стихотворствѣ россійскомъ; о прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ; о силѣ нравоучительныя философіи; объ окончаніяхъ собственныхъ нашихъ именъ женскихъ съ греческихъ и латинскихъ на асъ и на ісъ. XIV. О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; о родоначаліи Россовъ; о Варягахъ-Руссахъ словенскаго званія. XVII.

Тредіаковскій, Л., сынъ академика, получаетъ аттестатъ отца. XXVII.

Туманскій, Ѳ. О. Статья Подшивалова о его переводѣ. **10.** 15.

Тургеневъ, А. И. Его отношенія къ акад. Арсеньеву. XXXIV. Подлинныя письма къ нему Карамзина. XLIII.

Тутолминъ, Т. И. О несогласіяхъ съ нимъ Державина. **4.** 8.

Уваровъ, С. С., графъ, президентъ Академіи Наукъ. **1.** 8. Мысль его присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ. **5.** 7. Письмо къ нему Ганки. LXIII.

Ульяновъ, Иванъ. См. Меркъ.

Успенскій, профессоръ дерптскаго университета. **10.** 41.

Устряловъ, Н. Г., академикъ. Участіе его въ совѣщаніяхъ о юбилеѣ Карамзина. XXXI. Членъ коммиссіи потому же предмету; чтеніе его о Карамзинѣ. XLI.

Уфа. Такъ называемая золотая книга съ исторіею этого города. **3.** 7.

Ушаковъ, С., посолъ къ кесарю 1613 года. LXVII.

Фабръ. Лексиконъ его. XXV.

Фалькъ, академикъ. Пребываніе его въ Оренбургѣ. **3.** 16.

Фелица. Ода Державина. **4.** 6, 24.

Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Некрологъ его. **11.** 14.

Филаретъ, митрополитъ Московскій, членъ 2-го Отд. Академіи Наукъ. **5.** 8. Труды его въ 1865 и 1866 г. **1.** 3, 4. **11.** 13.

Фишеръ, академикъ. Указываетъ на необходимость гимназіи въ Казани. XXX.

Фойхтъ, К. К. Участіе его въ сборѣ подписки на сооруженіе памятника Востокова. XXXI.

Френцель, А. Его книга De originibus linguae Arabicae. **2.** 33.

Хабделичъ. Ю. Его Dictionar. **2.** 26—27.

Хвостовъ, графъ Д. И. Переписка его съ Державинымъ. XXX.

Ходаковскій, З. Я. Отношеніе къ нему Карамзина. **10.** 36.

Хорватское нарѣчіе: словари. **2.** 25, 26.

Храповицкій, А. В. Упрекъ его Державину. **4.** 9.

Цваръ, И. Его Niederlausitz-Wendisches Wörterbuch. **2.** 3.

Ценковы, братья. Ихъ Grammatik der Bulgarischen Sprache. **2.** 24.

Цейнова, докторъ. О его сочиненіи «Skôrb Kaszébskoslovjanskje mòvé». LXXIII.

Челяковскій, В. Его Dodatky къ словарю Юнгмана. **2.** 32.

Черкасовъ, И. А. Письмо къ нему Ломоносова о пробѣ мѣди. LII, LVII, LVIII.

Черкасскій, князь А. Б. Его экспедиція въ Хиву. **3.** 7.

Чистовичъ, И. А., профессоръ. О разборѣ сочиненія его «Ѳеофанъ Прокоповичъ». **1.** 9.

Шаденъ, учитель Карамзина. **10.** 5, 43.

Шафарикъ, И. И. Доставилъ новонайденный памятникъ юго-западнаго письма XII вѣка. LXXV.

Шаховская, княжна Н. А. Доставила снимки съ ватиканскаго евангелія. XXXII.

Шимкевичъ, Ѳ. Его корнесловъ Русскаго языка. **2.** 9—11, 37.

Шифнеръ, А. А., академикъ. Доставилъ замѣтку Шлейхера о планѣ всеславянскаго словаря. I.

Шишковъ, А. С. Взглядъ его на назначеніе Россійской Академіи. **5.** 6.

Отношенія къ нему Карамзина. **10.** 36. Назначеніе его на мѣсто Сперанскаго. 42.

Шлейхеръ, А. Б. Его мнѣніе о словарѣ всѣхъ Слав. нарѣчій. **2.** 1—5. II. Его труды. **2.** 41—48. **11.** 6—7. VII, LXXIII. Составленная для него И. И. Срезневскимъ замѣтка о малорусскомъ нарѣчіи. XXIX.

Шлецеръ, А. Л. Его отношенія къ Рычкову. **3.** 14.

Штелинъ, Я. Я. Предложилъ Леклерка въ почетные члены Академіи. LIII.

Шуваловъ, графъ А. П. Предсѣдатель Коммиссіи для составленія «Выписи хронологической изъ исторіи русской». III, IX.

Шуваловъ, И. И. Просьба его о снабженіи Москов. университета преподавателями изъ воспитанниковъ Академіи, а также типографскими принадлежностями. IV. V. Спрашиваетъ мнѣнія Академіи объ учрежденіи гимназій въ Россіи. XXX. Письма къ нему Ломоносова. LII. LXI. Изображенъ Державинымъ. **4.** 17.

Шумахеръ, совѣтникъ академическій. Упоминаніе о немъ Ломоносова. LVI. О перепискѣ его. 1, 8. Свидѣтель, что Тредіаковскому подарены книги изъ библіотеки. XXV.

Эрбенъ, К. Я. О его Чешскомъ переводѣ Несторовой лѣтописи. LXXIII. Участвуетъ въ засѣданіи Отдѣленія 11 мая. LXXIV. О его ученыхъ трудахъ. LXXIV.

Юнгманъ, I. Его Slovník Česko-Německý. **2.** 30.

Юшкевичъ. О его статьѣ «Литовскія народныя пѣсни». XLVIII.

Ягичъ, докторъ. Доставилъ отрывокъ глаголической рукописи служебнаго Апостола хорватскаго. LXII.

Янкъ, рѣка (нынѣ Уралъ). О добываніи тамъ рыбьяго клея. **3.** 8. О рудахъ около нея. 14.

Яицкій городокъ. (нынѣ Уральскъ). Извѣстія оттуда о бѣгствѣ калмыковъ. **3.** 10.

Яковлевъ, П. Его извѣстія о морской коровѣ (rytina borealis). LVIII—LX.

Янежичь, A. Его Ročni Slovar Slovenskega jezika. **2.** 29.

Ярникъ, У. Его Versuch eines Etymologikons der Slov. Mundart. **2.** 29.

Ѳедоръ Ивановичъ, Царь. Описаніе его кончины. LXX.

Ѳеодосій Печерскій. Объ одномъ изъ приписываемыхъ ему поученій. XXIX.

Ѳеоптія, или доказательство о бытности Божіей, соч. Тредіаковскаго. XIII.